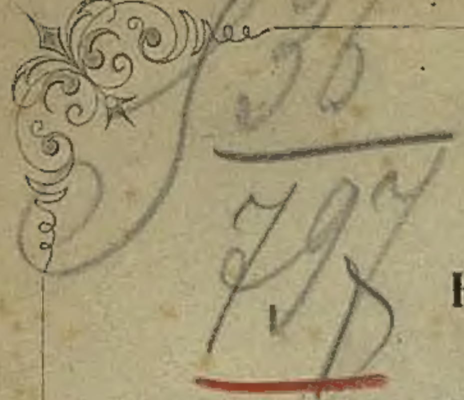

S 36/797
1860

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составили

старшій учитель Рижской гимназіи

С. Шафрановъ

и

старшій учитель Митавской гимназіи

И. Николичъ.

РЕВЕЛЬ
изданіе Франца Клуге.

1860.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составили

старшій учитель Рижской гимназіи

С. Шафрановъ

и

старшій учитель Митавской гимназіи

И. Николичъ.

РЕВЕЛЬ
изданіе Франца Клуге.
1860.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Рижскій Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Рига, 15-го Января 1859-го года.

Цензоръ К. Александровъ.

Печатано въ Типографіи Наслѣдниковъ Линдфорса въ Ревелѣ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (*).

---

§ 1. Раздѣленіе Исторіи Русской Словесности на древнюю и новую и раздѣленіе новой на періоды.

Собственно Русская Литература есть самая младшая изъ всѣхъ Европейскихъ, потому что ведетъ начало свое съ половины 18-го столѣтія, съ того времени какъ Пётръ Великій, введши Россію въ кругъ Европейскихъ державъ, положилъ начало ея всестороннему развитію. До Петра́ Великаго Россія, отдѣленная отъ Европы враждебными племенами, запутанная въ вѣковыя брани съ варварскими племенами Азіи (Туре́цкими (1) и Тата́рскими), истощала всѣ свои силы или въ борьбѣ съ внѣшними врагами, или во внутреннемъ бореніи элементовъ, составившихъ теперь одно цѣлое — Ру́сскій народъ. Заключенная сама въ себѣ, безъ всякаго столкновенія съ развивавшимися на Западѣ гражданственностію и просвѣщеніемъ, Россія не имѣла возможности преуспѣть во всѣхъ родахъ духовной дѣятельности. Впрочемъ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, кои утверждаютъ, будто жизнь Россіи до Петра́ Великаго была безсвязнымъ и безплоднымъ прозябаніемъ, чуждымъ всякой мысли и значенія. Напротивъ, въ то именно время образовались и выработались главнѣйшія стихіи, изъ коихъ потомъ сложилась Русская жизнь въ нынѣшнемъ ея видѣ, т. е. стихіи народная, религіозная и государственная. Отсюда вытекаетъ необходимость изученія памятниковъ внутренней жизни Россіи до Петра́ Великаго. По языку можно раздѣлить сіи памятники на три отдѣла: *1) Славя́нскіе, 2) Славяно - Ру́сскіе* и *3) Ру́сскіе.* На Славя́нскомъ или (какъ принято его называть) Церковно-Славя́нскомъ языкѣ дошли до насъ памятники религіознаго и отчасти историческаго содержанія. Славя́но-Ру́сскими можно назвать нѣкоторыя произведенія свѣтской Словесности и всѣ юридическіе акты, по причинѣ смѣшенія въ нихъ языка Славя́нскаго съ Ру́сскимъ. Къ послѣднимъ относятся произведенія народной или устной Словесности, какъ то: пѣсни историческаго и лирическаго содержанія, сказки, пословицы и пр.

Обзоръ произведеній, составляющихъ собственно *древнюю Ру́сскую Словесность,* будетъ здѣсь предпосланъ очерку *Исторіи*

(*) Въ Очеркѣ Исторіи Ру́сской Словесности удареніи выставлены только на именахъ собственныхъ, на заглавіяхъ нѣкоторыхъ сочиненій и на отрывкахъ изъ нихъ и изъ произведеній народной Словесности.

(1) Хаза́ры, Болга́ры, Печенѣ́ги, По́ловцы и пр.

новой Русской Словесности, которая удобно раздѣляется на два періода; изъ нихъ *первый* обнимаетъ всё прошедшее столѣтіе, *второй* истекшую половину нынѣшняго. Первый періодъ распадается на 3 отдѣла: 1-й отъ преобразованія государства Петро́мъ Великимъ до начала литературной дѣятельности Ломоно́сова; ко 2-му относятся Ломоно́совъ и Сумаро́ковъ съ своими послѣдователями, или писатели такъ называемой *классической школы;* въ 3-мъ отдѣлѣ разсмотрѣны будутъ творенія Держа́вина, Фонъ-Ви́зина и нѣкоторыхъ другихъ писателей, составляющихъ исключеніе изъ упомянутой школы. Второй періодъ Исторіи новой Ру́сской Словесности состоитъ также изъ 3 отдѣловъ: въ 1-мъ излагаются заслуги ей Карамзина́ и труды его послѣдователей; ко 2-му отдѣлу относятся Жуко́вскій, какъ представитель у насъ романтизма, и современные ему писатели отчасти другихъ направленій. Наконецъ въ 3-мъ отдѣлѣ представленъ будетъ обзоръ писателей школы Художественно-народной, начиная отъ Пу́шкина до нашего времени. Кромѣ того, въ своемъ мѣстѣ будетъ упомянуто объ главнѣйшихъ представителяхъ духовнаго краснорѣчія въ Россíи.

Хотя нѣкоторыя изъ произведеній устной народной Словесности, по содержанію своему, напоминаютъ отдаленную старину, но всѣ они вообще доселѣ живутъ въ устахъ народа и могутъ, съ одинаковымъ правомъ, быть отнесены къ древней, какъ и къ новой Словесности. По этому и по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ, обзоръ устной народной Словесности помѣщенъ въ концѣ Хрестоматіи, въ видѣ особаго приложенія.

А. Древняя Русская Словесность.

Отдѣлъ I.

§ 2. Происхожденіе Церковно-Славя́нскаго языка

Еще прежде отдѣленія Ри́мской церкви отъ церкви вселенской, Славя́нскія племена въ западной Евро́пѣ приняли святое крещеніе, — одни отъ Гре́ческихъ проповѣдниковъ, другіе отъ Ри́мскихъ; въ числѣ послѣднихъ были Че́хи и Мора́вы. Какъ послѣдніе не разумѣли ни богослуженія, ни священнаго писанія на Лати́нскомъ языкѣ, то Мора́вскіе князья Святопо́лкъ, Ростисла́въ и Коце́лъ просили Гре́ческаго Императора Миха́ила прислать къ нимъ ученыхъ богослововъ, для переложенія Свящ. писанія и церковныхъ т. е. богослужебныхъ книгъ на родной Славя́нскій языкъ. Съ этою цѣлію въ 863 году прибыли въ Мора́вію два брата, уроженцы города Ѳессало́никъ, Меѳо́дій, бывшій прежде воеводою на Славя́нскихъ границахъ и потомъ вступившій въ монашество, и Константи́нъ (въ схимѣ Кири́ллъ), воспитывавшійся вмѣстѣ съ Императоромъ и послѣ проповѣдовавшій христіанство Сараци́намъ, на рѣкѣ Евфра́тѣ, и Хаза́рамъ въ Крыму́. Въ

$4\frac{1}{2}$ года братья распространили въ Мора́віи и Панно́ніи Славя́нское богослуженіе и перевели на Славя́нскій языкъ нужнѣйшія книги Свящ. писанія, для чего (уже въ 855 году) Кири́лломъ составлена была Славя́нская азбука частію изъ буквъ Гре́ческаго и Латинскаго алфавитовъ, частію изъ новоизобрѣтенныхъ. Въ вознагражденіе трудовъ ихъ Папа Адріа́нъ II. посвятилъ Меѳо́дія въ санъ Епископа, Константи́на въ архіепископы. Послѣдній умеръ въ 868 году; первый же распространилъ Славя́нское богослуженіе еще въ Боге́міи, Далма́ціи и Кроа́ціи, хотя терпѣлъ много отъ навѣтовъ завидовавшихъ ему За́льцбургскихъ Лати́нскихъ Епископовъ, и неоднократно долженъ былъ являться для отвѣта въ Римъ, гдѣ впрочемъ всякій разъ былъ оправданъ. По смерти его, стараніями Латинскаго духовенства, Славя́нское богослуженіе было у всѣхъ западныхъ Славя́нъ воспрещено папами, какъ еретическое, и лишь Далма́ты умѣли удержать его, измѣнивши нѣсколько начертаніе буквъ Кири́лловской азбуки и приписавъ изобрѣтеніе ея Св. Іерони́му, жившему въ 4-мъ вѣкѣ по Р. Х. [1]. У Славя́нъ же, оставшихся по раздѣленіи церквей на сторонѣ Гре́ческой, у Болга́ръ, Се́рбовъ и Ру́сскихъ богослуженіе и Св. писаніе на Церковно-Славя́нскомъ языкѣ удержалось и донынѣ. Въ Болга́ріи и Се́рбіи этотъ языкъ былъ исключительно письменнымъ до конца 14го вѣка, т. е. до покоренія ихъ Ту́рками, а въ Россіи до Петра́ Великаго.

§ 3. Взаимное воздѣйствіе языковъ письменнаго, Церковно-Славя́нскаго и общежитейскаго Ру́сскаго.

Немедленно послѣ крещенія Россіи, приняты были въ ней Св. писаніе и богослужебныя книги на языкѣ Мора́вскихъ, или, какъ нѣкоторые думаютъ, Македо́нскихъ Славя́нъ, и съ того времени языкъ сей сдѣлался у насъ исключительно письменнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергся вліянію народнаго Ру́сскаго какъ въ этимологическомъ, такъ и въ синтаксическомъ отношеніи. Съ большею чистотою сохранился онъ конечно въ церковныхъ книгахъ и въ произведеніяхъ лицъ духовныхъ; однакоже и здѣсь измѣнился настолько, что теперь Ру́сскіе понимаютъ его лучше, нежели тѣ Славя́не, которымъ онъ нѣкогда былъ родной; впрочемъ и у нихъ послѣ того онъ потерпѣлъ много отъ разныхъ чужеязычныхъ вліяній. Въ произведеніяхъ же лицъ свѣтскихъ и, въ особенности, въ памятникахъ юридическихъ Ру́сскій языкъ въ разныхъ своихъ нарѣчіяхъ, смотря по мѣстожительству писателя, до того преобладаетъ надъ Церковно-Славя́нскимъ, что искуственный языкъ этихъ памятниковъ нужно назвать Славяно-Ру́сскимъ.

Въ свою очередь, и народный языкъ Ру́сскій испыталъ вліяніе Церковно-Славянскаго языка, но чрезъ это сближеніе онъ только обогатился, онъ не утратилъ ни одной изъ этимологическихъ формъ,

---

[1] Азбука эта, въ отличіе отъ Кири́лловской или Кири́ллицы, называется Глаголи́тскою или Глаго́лицей.

издревле ему свойственныхъ, и не принялъ въ себя ни одной, исключительно Церковно-Славя́нской, а также не подчинился Церковно-Славя́нскому словосочиненію, въ которое переводчики книгъ не рѣдко вносили особенности Греческаго: но онъ усвоилъ себѣ его лексикологическое ([1]) сокровище. Именно изъ Церковно-Славя́нскаго языка вошло въ Ру́сскій народный большое количество словъ, которыя не вытѣснили однако Ру́сскихъ имъ соотвѣтственныхъ, но произведенныхъ отъ другихъ корней, напр. Церковно-Славя́нскія слова: чело, перстъ, око, рамо употребительны наравнѣ съ однозначащими Ру́сскими: лобъ, палецъ, глазъ, плечо. Иныя Церковно-Славя́нскія слова живутъ въ языкѣ рядомъ съ Ру́сскими, произведенными отъ одного съ ними корня и отличающимися отъ нихъ свойственнымъ нашему языку полногласіемъ, напр. Церковно-Славя́нскія слова: глава́, врата́, драго́й и Ру́сскія: голова, ворота, дорогой. Такія Церковно-Славя́нскія слова не праздно занимаютъ мѣсто въ языкѣ, но употребляются при перенесеніи понятія изъ міра чувственнаго въ область отвлеченнаго и вообще при возвышенномъ настроеніи мыслей; между тѣмъ какъ Ру́сскія слова удержали первообразное и обиходное значеніе, напр. перстъ Божій, указательный палецъ; Христо́съ есть глава Церкви, у меня болитъ голова и т. п. — Такое распредѣленіе собственнаго и переноснаго значенія словъ произошло отъ того, что Церковно-Славя́нскій языкъ мы слышимъ въ богослуженіи, творимъ на немъ молитвы, и звуки его возбуждаютъ въ нашей душѣ благоговѣйное и торжественное настроеніе. Въ этомъ состоитъ важное преимущество Ру́сскаго языка передъ другими, не исключая даже и родственныхъ ему Славя́нскихъ, потому что здѣсь причина необыкновенной точности и твердости значенія словъ въ языкѣ и непостижимаго для инородцевъ сочетанія ясной наглядности выраженія съ выспреннимъ отвлеченіемъ.

([1]) то́-есть матеріалъ языка, запасъ словъ

§ 4. **Перечень замѣчательнѣйшихъ памятниковъ на Церковно́-Славя́нскомъ языкѣ, а) духовнаго содержанія.**

1) XI вѣка. *Остроми́рово ева́нгеліе*, т. е. списанное въ Но́вгородѣ для посадника Остроми́ра въ 1057-мъ году; издано Восто́ковымъ въ 1843-мъ году, съ приложеніемъ Гре́ческаго текста Грамматики Ц-Славя́нскаго языка, извлеченной изъ сего древнѣйшаго изъ дошедшихъ до насъ памятника Ц-Славя́нской письменности.

2) *Два Избо́рника* ([1]) Святосла́ва Яросла́вича 1073 — 1076, собраніе отрывковъ богословскаго, философскаго и риторическаго содержанія, составлены, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, въ Болга́ріи.

([1]) Избо́рникъ есть книга, въ которой помѣщаются избранныя мѣста изъ прочтённыхъ книгъ.

XII вѣка. 3) Два посланія Кіевскаго Митрополита *Никифора* къ Мономаху а) «О Латинѣхъ, како отвержены быша отъ Восточныя Церкви.“ ([2]) б) ,,О постѣ и воздержаніи чувствъ.“

4) *Св. Кирилла,* Епископа Туровскаго ([3]) 12 поучительныхъ словъ (+ 1120);

5) *Патерикъ* или Отечникъ, собраніе житій Русскихъ Святыхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ написаны лѣтописцемъ Несторомъ, напр. Житіе Св. Ѳеодосія, который вмѣстѣ съ Антоніемъ основали первый въ Россіи Кіевопечерскій ([4]) Монастырь (во 2й половинѣ XI вѣка), бывшій разсадникомъ просвѣщенія для всей древней Руси.

XIV вѣка. 6) Творенія *Кипріяна* (+ 1406), Кіевкаго Митрополита, переводы церковныхъ книгъ съ Греческаго и особенно ,,прощальная грамота,“ читанная при его погребеніи.

XV вѣка. 7) *Вассіана Рыло,* Епископа Ростовскаго (+ 1481): «Посланіе о мужественномъ стояніи противу врага,» къ Іоанну III-му въ ободреніе его къ рѣшительной битвѣ съ Ахматомъ въ 1480 году.

XVI вѣка. 8) *Св. Іосифа Санина:* ,,Просвѣтитель,“ противъ Схаріевой, Жидовской ереси, и ,,Исторія Жидовской ереси.“

9) *Максима Грека:* ,,Слова и Главизны“ состоятъ изъ полемическихъ, учительныхъ, филологическихъ статей, и еще ,,Разсужденіе о пользѣ Грамматики, Риторики и Философіи.“

10) *Макарія,* Митрополита Московскаго: ,,*Четьи Минеи* ([5]) (великія), сборъ всѣхъ книгъ чтомыхъ, которыя въ землѣ обрѣтаются,“ ,,Степенныя книги царскаго родословія,“ — сводъ лѣтописей.

XVII. вѣка. 11) *Гермогена,* Патріарха Всероссійскаго «Увѣщательныя Граматы о спасеніи Руси» и нѣкоторыя житія святыхъ.

12) *Никона,* Патріарха: «Скрижаль,» — собраніе догматическихъ сочиненій; «Рай мысленный,» объ разныхъ монастыряхъ, посланія, поученія и пр.

б) Историческаго содержанія:

1) *Лѣтопись Нестора* подъ заглавіемъ: «Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Русская земля стала есть ([6]).» Несторъ былъ инокъ Кіевопечерскаго монастыря, гдѣ умеръ въ 1110 или въ 1111-мъ году. Лѣтопись не дошла до насъ въ подлинникѣ; древнѣйшій списокъ Лаврентьевскій 14 вѣка; названъ по имени писца. Лучшее критическое объ ней сочиненіе есть: «Несторъ» Шлецера, на Нѣмецкомъ языкѣ, переведено на Русскій Языковымъ въ 1816-мъ году.

([2]) Объ Латинахъ (т. е. Западныхъ Европейцахъ Латинской вѣры), какъ они были отвержены отъ Восточной церкви.

([3]) Городъ Туровъ въ бывшемъ Княжествѣ Волынскомъ.

([4]) Названіе отъ пещеръ въ гористомъ берегу Днѣпра подъ Кіевомъ.

([5]) Помѣсячное чтеніе. Отъ стариннаго слова *четій,* служащій для чтенія и Греческаго слова *μήν* мѣсяцъ.

([6]) Это повѣсть о былыхъ годахъ, когда произошелъ Русскій народъ, кто въ Кіевѣ началъ первый княжить, и когда основалось Русское государство.

Изъ продолжателей Не́сторовой лѣтописи извѣстны только Игуменъ *Сильве́стръ* († 1124) и инокъ *Васи́лій*.

По распаденіи Ру́си на удѣлы, лѣтописи составляемы были въ различныхъ княжествахъ; главнѣйшія: a) сѣверныя т. е. Новогоро́дскія и Пско́вскія; b) восточныя т. е. Су́здальскія и послѣ Моско́вскія, c) западныя, содержащія исторію Лито́вской и По́льской Ру́си, и d) Сиби́рскія. Почти уже всѣ онѣ изданы теперь Археографическою Коммиссіею.

2) *Хроно́графы,* — Всеобщая Исторія, по Гре́ческимъ источникамъ, со включеніемъ и Ру́сскихъ лѣтописей.

3) *Князя Ку́рбскаго* († 1587) «Исторія Князя Великаго Моско́вскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима [7].»

4) *Егоже* «Краткая повѣсть и Флорентійскомъ соборѣ.»

5) *Умильныя повѣсти* XIV—XVI вѣка, напр. «О нашествіи злочестиваго Царя Баты́я на Ру́сскую землю и т. п.» Особенно замѣчательно «Сказаніе о побоищѣ В. К. Дими́трія Ивановича Донска́го.»

6) Авраа́мія Па́лицына, Келаря [8] Се́ргіевской Ла́вры [9]: «Сказаніе объ осадѣ Тро́ицкаго Се́ргіева Монастыря отъ Поляко́въ и Литвы́ и о бывшихъ потомъ въ Росси́и мятежахъ.»

7) *Дьяка Котоши́хина* «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Миха́йловича.» Авторъ бѣжалъ изъ Москвы́ въ Шве́цію и составилъ тамъ это сочиненіе.

---

(7) О дѣлахъ, объ которыхъ мы слышали отъ достовѣрныхъ людей и которыя видѣли мы собственными глазами.

(8) Инокъ, завѣдывающій монастырскими припасами, а также вообще недуховными дѣлами монастыря.

(9) Многолюдный монастырь, извѣстный своею святынею, каковы въ Россіи: Кіевопече́рская, Александро-Не́вская (въ С. Петербургѣ), Тро́ицкая Се́ргіева Лавра (60 верстъ отъ Москвы) и Почаевская (въ Волынской губерніи).

Отдѣлъ 2-й.

§ 5. Перечень произведеній на Славяно-Ру́сскомъ языкѣ a) юридическаго содержанія.

1. 2) *Договоры Князей Оле́га* (911) и *Игоря* (944) съ Гре́ками; сохранены въ Не́сторовой лѣтописи и составляютъ едва ли не самый древнѣйшій дипломатическій памятникъ новыхъ Европе́йскихъ государствъ.

3) *Ко́рмчая книга* или Номоканонъ, — собраніе правилъ церковнаго законодательства; переведена съ Гре́ческаго.

4) *Русская Правда,* — собраніе законовъ, преимущественно уголовныхъ, составленное Яросла́вомъ Му́дрымъ, дополненное тремя старшими его сыновьями и послѣ Влади́міромъ Монома́хомъ.

5) *Договорная Грамота* Мстисла́ва Давы́довича, Князя Смоле́нскаго съ Ри́гою, Готла́ндскимъ берегомъ и торговыми Нѣме́цкими городами 1228.

6) *Судебникъ В. Князя Іоанна III-го*, составленный Дьякомъ Гусевымъ 1497 года.

7) *Судебникъ Іоанна Грознаго* 1550 г. есть не что иное, какъ прежній съ перемѣнами и дополненіями.

8) *Стоглавъ* 1551 г., отвѣты на 100 вопросовъ Іоанна Грознаго, предложенныхъ церковному собору въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ Митрополита Макарія. Эта книга никогда не имѣла силы закона.

9) *Соборное уложеніе*, составленное при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ 1649 г.

b) **Памятники свѣтской литературы на Славяно-Русскомъ языкѣ.**

1) «*Паломникъ* (¹), или хожденіе Даніила Русскія земли Игумена.» Описаніе путешествія въ Палестину въ началѣ XII. вѣка.

2) *Поученіе Владиміра Мономаха* своимъ дѣтямъ.

3) *Слово о Даніилѣ заточникѣ* (²). Это есть посланіе нѣкоего Игумена Даніила къ Юрію Долгорукому съ озера Лаче; написано весьма остроумно и шутливо.

4) *Слово о полку Игоревѣ*; составлено неизвѣстнымъ въ концѣ XII. вѣка и содержитъ поэтическое описаніе похода Сѣверскихъ князей Игоря и Всеволода Святославичей противъ Половцевъ въ 1185 году, несчастной битвы при р. Каялѣ (нынѣ Кагальникъ), плѣненія князей и возвращенія Игоря. Разсказъ очень часто прерывается весьма краснорѣчивыми отступленіями, гдѣ авторъ, изображая современныя ему бѣдствія земли Русской отъ междоусобій удѣльныхъ и отъ набѣговъ Литовскихъ и Половецкихъ, съ горестію воспоминаетъ о славныхъ временахъ Владиміра Святаго и Ярослава Мудраго и говоритъ: «О стонать (*) тебѣ, Русская земля, помянувши древнія «времена и старыхъ князей! Того стараго Владиміра не льзя было «пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ!» Съ любовію воспоминается также доблестный Всеславъ Полоцкій, правнукъ Рогнѣды: «Князь «Всеславъ людямъ судилъ, князьямъ города раздавалъ, и самъ въ «ночь рыскалъ волкомъ, изъ Кіева дорыскалъ до Куръ-Тьмутаракани «великому Хорсу (солнцу) волкомъ путь перескакивалъ. Ему въ По-«лоцкѣ позвонили рано къ заутренѣ, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. «Но хоть и вѣщая душа была въ крѣпкомъ тѣлѣ его, но часто и онъ «терпѣлъ напасти» А нынѣ: — «уже, братіе, невеселые годы на-«ступили. Опустошена кругомъ земля сильныхъ. Обида (междоусобіе) «возстала въ силахъ Дажь-божьяго внука; дѣвой вступила на землю «Трояпову, всплескала лебедиными крыльями на синемъ морѣ, у «Дона плещучи. Проснулся духъ разоренія. Престали войны князей «на поганыхъ; ибо сказалъ братъ брату: «вотъ это мое, но и то

(¹) Отъ слова *пальма*, такъ какъ съ вѣтками этого дерева возвращались богомольцы изъ Святой Земли.
(²) т. е. заточенномъ, сосланномъ.
(*) Извлеченія изъ Слова переложены на нынѣшній языкъ.

«моеже!» и начали князья говорить про всякую малость: — «Это «вещь важная!» и сами на себя крамолу ковали, а поганые прихо- «дили со всѣхъ сторонъ на землю Рускую.»

И первыхъ черныхъ вороновъ, поганыхъ Половчанъ, навелъ на родную Русь ненавистный Олегъ Святославичъ, бывшій сперва княземъ Тьмутараканскимъ (1115), котораго поэтъ въ насмѣшку величаетъ Гориславичемъ, по жалкой славѣ перваго крамольника, имъ заслуженной: «тотъ Олегъ мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по землѣ «сѣялъ . . . и восходили онѣ междоусобіями; погибало потомство «Дажь-божьяго внука. Въ княжьихъ крамолахъ жизнь человѣческая «сократилась. Тогда по Руской землѣ рѣдко пахари перекликались, «но часто вороны каркали, дѣля межь собою трупы, и галки свою «рѣчь говорили, сбираясь летѣть на объѣдки.»

Съ другой стороны дикіе Литовцы жгутъ и грабятъ западную Россію, которую не могутъ защитить выродившіеся потомки доблестнаго Всеслава. «Лишь одинъ Изяславъ позвенѣлъ своими «острыми мечами объ шеломы Литовскіе, возвеселилъ славою дѣда «своего Всеслава, и самъ подъ червлеными щитами, на кровавой «травѣ, убаюканъ Литовскими мечами . . . и говорилъ: — «дру- «жину твою, Князь, птицы крыльями пріодѣли, а звѣри кровь по- «лизали! Не было съ нимъ брата его Брячеслава, ни другаго Все- «волода, и одинъ онъ изронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла, «чрезъ златое ожерелье. Уныли пѣсни, поникло веселіе. Ярославъ «и всѣ внуки Всеславовы! Уже понизить вамъ знамена свои и опу- «стить мечи обезславленные! Унизили вы славу дѣдовъ своихъ! . . . «На Нѣмизѣ (Нѣманѣ?) снопы стелятъ головами, молотятъ цѣпами «булатными, на току жизнь кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Кро- «вавые берега Нѣмизы не бологомъ (ячменемъ?) посѣяны, — ко- «стями Русскихъ сыновъ.» Не таковы были прежніе защитники Руси, изъ числа коихъ пѣвецъ съ воодушевленіемъ воспоминаетъ Святослава, грозу неспокойныхъ удѣльныхъ Князей и ужасъ Половцевъ: «приводя всё въ трепетъ своими сильными полками и булатными ме- «чами, наступилъ онъ на землю Половецкую, притопталъ холмы и «овраги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота, а по- «ганаго Кобяка (Половецкаго хана) изъ Лукоморья исторгъ какъ ви- «хорь изъ среды желѣзныхъ, великихъ полковъ Половецкихъ; и палъ «Кобякъ во градѣ Кіевѣ, въ горницѣ Святославовой.»

Тѣмъ въ печальнѣйшемъ свѣтѣ снова представляется поэту бѣдная отчизна теперь, послѣ гибели храбрыхъ Святославичей, когда ободренные Половцы съ лютостію нагрянули на Русь: «Черная зем- «ля подъ копытами костьми была посѣяна, а кровію полита, горемъ «поросла Руская земля . . . . На берегу быстрой Каялы — тамъ «кроваваго вина не достало; тамъ покончили пиръ храбрые Русичи «(Игорево войско), сватьевъ попоили и сами легли за землю Рускую. «Никнетъ трава отъ жалости и древо въ кручинѣ къ землѣ прикло-

«нилося . . . Кликнули ([3]) Карна и Жля (Половецкіе вожди) и по-«скакали по Русской землѣ, мыкая повсюду пламя въ огненномъ рогѣ. «Восплакали Русскія жены и говорили: — «уже намъ милыхъ ладъ «своихъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очами сгляда-«ти, а злата и серебра и меньше того потрепати ([4]).» Ахъ, братцы! «Возстонали Кіевъ въ кручинѣ, Черниговъ въ напастяхъ; тоска раз-«лилась . . . печаль жирная течетъ по Русской землѣ. А Князья сами «на себя крамолу ковали . . . По Русской землѣ разсыпались По-«ловцы, какъ барсово гнѣздо (стадо тигровъ) . . . стыдъ превознесся «надъ славою . . . ибо вотъ Готскія (въ Крыму) красныя дѣвы вос-«пѣли на берегу синяго моря и звеня Русскимъ золотомъ, воспѣва-«ютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканову (Бусъ и Шароканъ «Половецкіе ханы). А намъ ужъ, друзья, не видать веселья.»

Пѣвецъ зоветъ на защиту угнетенной Руси тогдашнихъ силь-ныхъ Князей: Всеволода (III-го), В. Князя Суздальскаго, что можетъ «веслами раскропить ([5]) Волгу и Донъ шеломами вылить»; зоветъ Га-лицкаго Осмомысла (Ярослава), что «высоко сидитъ на своемъ зла-токованномъ престолѣ; подперъ Венгерскія горы своими желѣзными полками, заступилъ путь Королю (т. е. Венгерскому), затворилъ во-рота Дуная, мечетъ бремена чрезъ облака, суды рядитъ до Дуная, чьи грозы по землямъ текутъ»: зоветъ и другихъ сильныхъ князей Русской земли на выручку плѣннаго Игоря, — напрасно! Никто изъ нихъ «не вступилъ въ златое стремя за обиду Русской земли и за раны Игоревы — буяго ([6]) Святославича!

Вдругъ слышится голосъ Ярославны, плачущей о погибели своего милаго лады:

«Ярославнинъ гласъ слышится; кукушкою осиротѣлою рано «утромъ кричитъ она: «Кукушкою полечу по Дунаю, омочу бобро-«вый рукавъ во Каялѣ въ рѣкѣ, оботру Князю кровавыя раны на «истерзанномъ тѣлѣ его.»

«Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, приговари-«вая: «О вѣтеръ, вѣтеръ! Зачѣмъ ты, могучій, такъ порывисто вѣ-«ешь? Зачѣмъ же ты мчишь ханскія стрѣлы на своихъ легкихъ «крыльяхъ на воиновъ лады моего? Или мало тебѣ высоко по под-«небесью вѣяти, лелѣючи корабли на синемъ морѣ! Почто жъ ты, «могучій, по ковылу развѣялъ веселье мое!»

«Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, приговари-«вая: «О Днѣпръ звонкотечный! Ты пробился сквозь каменныя горы «земли Половецкой; ты лелѣялъ корабли Святослава до полку Ко-«бякова: взлелѣй, о могучій, ко мнѣ моего ладу, да не шлю я слезъ «къ нему по утрамъ рано на море.»

([3]) издали военный крикъ.
([4]) полюбоваться, взявши въ руки; поласкать руками.
([5]) разбрызгать, взмахами веселъ.
([6]) храбраго, неудержимаго,

«— Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, пригова-«ривая: «Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! Для всѣхъ ты тепло и «красно! Зачѣмъ же, могучее, простерло ты палящіе лучи свои на «воиновъ лады моего! На полѣ безводномъ отъ жажды ихъ луки «спряглись, тулы ихъ тоской заперлись!»

Жалобная пѣснь осиротѣлой, нѣжной супруги есть чудный вѣнецъ поэтическаго «Слова.» Какъ бы тронутая горестными воплями любящей супруги, вся природа содѣйствуетъ избавленію мужа Ярославны. Море высылаетъ туманы, которые устилаютъ землю, для прикрытія его бѣгства; Донѐцъ тихими струями ласково привѣтствуетъ его, лелѣетъ его на волнахъ, стелетъ ему ложе изъ зеленой травы на серебряныхъ (бѣлопесчаныхъ) берегахъ своихъ; одѣваетъ его теплыми туманами подъ сѣнью зеленаго дерева, стережетъ его гоголями (утка) на водѣ, чайками на струяхъ. Это сочувствіе поэта къ природѣ придаетъ пѣсни дивную красоту первобытной поэзіи. Природа, какъ нѣжно любящая мать, не спускаетъ своихъ заботливыхъ глазъ съ своего дитяти — человѣка, веселится съ нимъ, страдаетъ, и предостерегаетъ его отъ угрожающихъ бѣдъ. Въ отвращеніе Игоря отъ пагубнаго предпріятія солнце тьмою одѣвается, стонутъ зловѣщія птицы и воютъ степные звѣри по ночамъ, — бѣду прорекаютъ; предъ роковою битвою небо кровавыми зарями покрывается: а какъ храбрые полегли костьми за Русскую землю — тутъ поникла трава отъ жалости и древо въ кручинѣ къ землѣ приклонилось.

5) *Стра́никъ — Стефа́на Новгоро́дца,* — описаніе путешествія въ Іерусали́мъ 1349.

6) *Сказаніе купца Аѳана́сія Ники́тина* о путешествіи его въ Восточную Индію и Голко́нду. 1468.

7) *Статейные списки* посольствъ, которые составлялись Ру́сскими послами за границею.

8) *Похвальныя слова и пла́чеве;* напр. похвала Великому Князю Владиміру Свято́му, святой Ольгѣ и проч; помѣщены въ Мака́ріевыхъ великихъ Че́тіяхъ Мине́яхъ.

9) *Кня́зя Ку́рбскаго* переписка съ Царемъ Іоа́нномъ Васи́льевичемъ IV.

10) *Домострой* (7) *Благовѣщенскаго попа Сильве́стра;* Энциклопедія семейной жизни и домашняго хозяйства Ру́сскихъ XVI вѣка.

§ 6. Общій взглядъ на образованность до Петра́ Великаго.

Хотя съ самаго введенія Христіанской вѣры многіе Ру́сскіе Государи заботились объ распространеніи грамотности и просвѣщенія въ Россіи, но эти попытки были разрозненныя, часто неудавались, по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и большею частію клонились къ образованію лицъ только одного народнаго сословія —

(7) Книга о домашнемъ устройствѣ

духовенства. Еще Владиміръ Св. завелъ въ 5-ти учрежденныхъ имъ епархіяхъ (въ епископскихъ городахъ: Новгородѣ, Черниговѣ, Владиміръ Волынскомъ, Бѣлогородѣ и Ростовѣ) училища, о поддержаніи и умноженіи которыхъ заботился и сынъ его Ярославъ Мудрый, основавшій при церкви Св. Софіи книгохранилище. Въ послѣдствіи Кіевопечерскій монастырь, а за нимъ и всѣ прочіе были распространителями просвѣщенія, принесеннаго къ намъ изъ Византіи, и единственными хранителями грамотности въ печальную эпоху Татарскаго ига. Къ Іоанну III-му переселилось много ученыхъ Грековъ и Итальянскихъ художниковъ. Іоаннъ Грозный учредилъ въ Москвѣ (1552) типографію, гдѣ впрочемъ до Петра Великаго печатались лишь церковныя книги. Борисъ Годуновъ, замышлявшій даже основать Университетъ въ Москвѣ, посылалъ 18 юношей за границу изучать науки и языки. Вскорѣ послѣ учрежденія въ Москвѣ типографіи, учреждены таковыя же въ Острогѣ (1580), въ Кіевѣ, Могилёвѣ, Черниговѣ и пр. Въ XVI-мъ столѣтіи въ Югозападной или Польской Руси открыто было много духовныхъ школъ, для противоборства Уніи и Іезуитамъ. Славнѣйшая изъ нихъ была Кіевская, преобразованная Митрополитомъ Кіевскомъ Петромъ Могилою въ Коллегію, а Петромъ Великимъ въ 1701 г. въ Академію. Устройство и преподаваніе въ ней были *схоластическія, въ подражаніе Польскимъ Іезуитскимъ коллегіямъ. По образцу ея учреждена была и въ Москвѣ Заиконоспасская школа (названіе по монастырю) при Θеодорѣ Алексѣевичѣ и названа въ 1685 г. Славяно-Греко-Латинскою Академіею.*

Изъ писателей, оставившихъ по себѣ ученыя сочиненія, особенно извѣстны:

1) *Митрополитъ Пётръ Могила* († 1646) своимъ: «Православное исповѣданіе вѣры» и духовными драмами въ силлабическихъ ([1]) стихахъ;

2) *Докторъ Медицины Францискъ Скорина* изъ Полоцка переводомъ Библіи съ Латинскаго на Бѣлорусскій;

3) *Іеромонахъ Епифаній Славинецкій* († 1676) своимъ лексикономъ Греко-Славяно-Латинскимъ.

4) *Симеонъ Полоцкій* составилъ: «Жезлъ правленія противъ раскольниковъ», — перевелъ *Псалтирь* въ стихахъ и написалъ Риѳмологіонъ или стихословъ, собраніе стиховъ на разные случаи.

Другіе замѣчательные труды суть:

5) *Грамматика* на Греческомъ и Славянскомъ языкахъ, составленная студентами Львовской школы, въ концѣ XVI. вѣка.

6) «Грамматика Словенска совершеннаго искусства» *Протоіерея Зизанія;*

7) Грамматики Славенскія правильное Синтагма, 1619. Полоцкаго монаха *Смотрицкаго*; употреблялась въ школахъ до самаго Ломоносова;

([1]) стихосложеніе, основанное на числѣ слоговъ въ стихѣ.

8) *Лексиконъ* Славяно-Россійскій — именъ толкованіе Іеромонаха *Берынды*, родомъ изъ Молдавіи, въ началѣ XVII. вѣка;

9) Славяно-Греко-Латинскій словарь 1704 г. составленный Θеодоромъ *Поликарповымъ*.

Б. Новая Русская Словесность.

ПЕРІОДЪ I.

Отдѣлъ 1.

Отъ преобразованія государства Петромъ Великимъ до начала литературной дѣятельности Ломоносова.

§ 7. Въ древней Русской Словесности раскрывались стихіи: религіозная, государственная и исключительно народная, такъ какъ в главною мыслію всей нашей древней Исторіи было: опредѣленіемъ единства отношенія народа къ Богу, воспитаніемъ живаго чувства вѣры утвердить единство народа и государства. Петръ Великій не разрывалъ древней Руси съ новою, но, сохранивъ живое чувство вѣры, отрѣшился отъ исключительной народности и внесъ въ кругъ государственной дѣятельности сочувствіе ко всему общечеловѣческому (см. Хрест. ч. I стр. 37 и слѣд.).

Вслѣдствіе того, что Петръ Великій двинулъ на поприще міровой дѣятельности всѣ силы своего государства и положилъ прочное начало водворенію въ немъ наукъ и искуствъ, и новая Русская Словесность, въ соотвѣтствіе успѣхамъ образованія, получила многостороннее направленіе. Теперь только возникла собственно *свѣтская* Словесность, проявлявшаяся прежде изрѣдка и какъ бы случайно. Этому содѣйствовало отчасти и введеніе Петромъ Великимъ новой *гражданской азбуки* (*).

Съ цѣлію распространенія образованія, преимущественно же спеціяльнаго, открыто было Петромъ Великимъ свѣтскихъ школъ 139; но важнѣйшимъ его учрежденіемъ, по части просвѣщенія была *Академія Наукъ*, въ которой скоро потомъ отличились *Байеръ* и *Миллеръ* по части Русской Исторіи, *Эйлеръ* по Математикѣ. Съ 1703 года начались печататься въ Москвѣ первыя Русскія вѣдомости, а съ 1711 года и въ Петербургѣ.

Для увеличенія числа свѣдущихъ въ наукахъ лицъ, Государь ввелъ обыкновеніе посылать за границу молодыхъ людей съ цѣлію теоретическаго и практическаго изученія какихъ либо спеціяльныхъ предметовъ (**), и неутомимо заботился о распространеніи разнаго рода

(*) Новая гражданская азбука отличается отъ церковной очертаніемъ буквъ, подходящимъ близко къ Латинскому шрифту, и меньшимъ количествомъ звуковыхъ изображеній. Исключены были нѣкоторыя буквы (ѕ, ȣ, ѫ (юсъ), ѯ, ѱ, ѡ) Кирилловской азбуки, оказавшіяся излишними. — Гражданская печать была употреблена впервые при изданіи въ 1704 году Вѣдомостей, такъ называемыхъ *Курантовъ*.

(**) По окончаніи курса, студенты Славяно-Греко-Латинской Академіи въ Москвѣ получали *абшитъ* со свидѣтельствомъ ихъ *искуства*; тогда можно было *презентоватъ* ихъ Царскому Величеству и, по Его указу, опредѣлять на разныя дѣла,

полезныхъ книгъ и учебныхъ руководствъ, посредствомъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ.

При поспѣшномъ стремленіи Государя, — ознакомить своихъ подданныхъ съ различными знаніями, въ переводныхъ сочиненіяхъ и въ письменности вообще, наша рѣчь испещрялась словами и оборотами, взятыми изъ разныхъ иностранныхъ языковъ, что и продолжалось въ Литературѣ до Ломоносова, а въ нѣкоторыхъ техническихъ производствахъ не прекратилось и по сю пору, какъ на примѣръ въ Горномъ дѣлѣ, во флотѣ и т. п.

Литературную дѣятельность, въ продолженіе XVIII. столѣтія, можно обозрѣть въ трехъ отдѣлахъ, представляющихъ:

1) время преобладанія схоластическаго направленія отъ Петра Великаго до Ломоносова.

2) вѣкъ Елисаветы Петровны, или время направленія реторическаго.

3) царствованіе Екатерины II., или время вліянія классицизма, по образцамъ Французскихъ дѣятелей.

Общій же характеръ всего періода былъ подражательный и выражался въ заимствованіяхъ и слѣдованіяхъ чужимъ образцамъ, какъ въ способѣ изложенія, такъ и въ формѣ. Это подчиненіе вліянію иноземному отразилось въ языкѣ, въ словорасположеніи и оборотахъ, духу Русскаго языка вовсе несвойственныхъ; подражательность въ формѣ наполнила Литературу многими произведеніями, которыя нисколько не вытекали изъ потребности народной и не служили отраженіемъ состоянія просвѣщенія вообще, но являлись лишь въ слѣдствіе благороднаго стремленія многихъ просвѣщенныхъ дѣятелей на литературномъ поприщѣ, — представить и на Русскомъ языкѣ сочиненія, соотвѣтственныя тѣмъ, какими славились иностранныя литературы и какія пользовались даже всемірною извѣстностію.

§ 8. Плодъ трудовъ Петра Великаго по части народнаго просвѣщенія начали показываться лишь при его преемникахъ, въ его же царствованіе преобладало, по прежнему, религіозное направленіе, и знаменитѣйшими витіями того времени были:

1) Св. *Димитрій*, Митрополитъ Ростовскій († 1709), составившій *Четій Минеи* (*Малыя*, въ отличіе отъ *Великихъ* Митрополита Макарія см. § 4 прим. 5), т. е. житія святыхъ. Онъ писалъ силлабическимъ размѣромъ (виршами) духовныя драмы, или мистеріи, изъ которыхъ самою замѣчательною считалась «*Кающійся грѣшникъ*» (*), и сочинилъ извѣстную полемическую книгу: *Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ, о ученіи и дѣлахъ ея.*

2) *Стефанъ Яворскій*, Митрополитъ Рязанскій († 1722), строгій представитель древней Руси, дѣйствовалъ умѣрительно и остере-

---

(*) Драма эта была однажды представлена на придворномъ театрѣ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Вся библіотека Св. Димитрія перешла въ Московскую Патріаршую, но собственныя его черновыя рукописи, по его завѣщанію, положены подъ мощи его, въ гробъ, вмѣсто возглавія и подстилки.

гательно на Петра Великаго и народъ. Въ проповѣдяхъ своихъ онъ не чуждъ схоластическихъ пріемовъ. Извѣстнѣйшія его сочиненія, въ которыхъ онъ является отличнымъ діалектикомъ, суть: *Знаменія пришествія антихриста*, написанное противъ раскольниковъ, и *Камень Вѣры* (*).

3) *Гавріилъ Бужинскій*, Архіепископъ, прославился своими проповѣдями и переводомъ сочиненій Пуффендорфа: *Введеніе въ Исторію Европейскихъ государствъ* и *О должностяхъ человѣка и гражданина*.

4) *Ѳеофанъ Прокоповичъ*, Архіепископъ Новгородскій († 1736) былъ даровитѣйшій ораторъ своего времени, толкователь и глашатай дѣлъ Петровыхъ. Онъ сочинилъ между прочимъ *Духовный Регламентъ*, имѣвшій цѣлію опредѣлить управленіе Русской Церкви Синодомъ.

§ 9. Изъ свѣтскихъ писателей перваго отдѣла XVIII столѣтія большая часть трудилась преимущественно надъ составленіемъ Исторіи и Географіи Россіи, или собирала матеріалы для Исторіи Петра Великаго (**). По части же собственно изящной Словесности заслуживаетъ упоминанія только одинъ писатель:

(*) Сочиненіе это, по причинѣ нѣкоторыхъ опроверженій ученія реформатовъ, было запрещено Бирономъ, и ко второму его изданію приступили лишь въ царствованіе Императора Николая I, въ 1844 году.

(**) Къ таковымъ относятся:

1) Кн. *Хилковъ*, резидентъ при Шведскомъ дворѣ, былъ, во время открытія войны съ Карломъ XII, заключенъ въ темницу, гдѣ и умеръ въ 1718 г. Въ заточеніи онъ написалъ *«Ядро Россійской Имперіи отъ древнѣйшихъ временъ до Петра Великаго»*, сочиненіе, изложенное систематически, но языкомъ, полнымъ архаизмовъ;

2) *Крашенинниковъ*, участвовавшій въ качествѣ профессора ботаники при С.-Петербургской Академіи Наукъ, во второй Камчатской экспедиціи и, по возвращеніи, составившій *«Описаніе земли Камчатки»*;

3) *Татищевъ*, извѣстный сочиненіями: *«Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ чрезъ 30 лѣтъ собранная и описанная»*, которая представляетъ собою сводъ лѣтописей на Славянскомъ же языкѣ, и *«Лексиконъ Россійской Исторіи гражданской и политической»*, первымъ самостоятельнымъ въ Россіи трудомъ по части энциклопедіи; доведенный до буквѣ Л;

4) *Желябужскій*, окольничій и воевода въ Черниговѣ, оставившій по себѣ записки о событіяхъ отъ времени правленія Царевны Софіи Алексѣевны до 1709 года;

5) Графъ *Матвѣевъ*, сынъ знаменитаго ближняго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, въ домѣ котораго воспитывалась Царица Наталья Кириловна, извѣстный записками *«О смутномъ времени, приключившемся отъ возмущенія бывшихъ Московскихъ стрѣльцевъ»*;

6) *Крекшинъ*, Новгородскій дворянинъ, собиравшій съ необыкновеннымъ усердіемъ извѣстія и свѣдѣнія, касавшіяся до дѣяній Петра Великаго;

7) *Посошковъ*, крестьянинъ, политико-экономическій писатель самоучка, обнаружившій въ сочиненіяхъ глубокій, свѣтлый умъ и всестороннее знаніе своего отечества. Къ трудамъ его принадлежатъ: *О скудости и богатствѣ*, сочиненіе, содержащее много истинъ, гораздо позже признанныхъ Европейскою наукою; *О ратномъ поведеніи* и *Отеческое завѣщательное поученіе сыну, отправленному для обученія въ дальнія страны*;

8) *Барскій*, являющійся у насъ какъ бы послѣднимъ паломникомъ. По благочестію и усердію онъ исходилъ пѣшкомъ всю среднюю и южную Европу, Азію и Африку, посѣщая святыя мѣста, и, по возвращеніи въ отечество, составилъ описаніе своего путешествія, изданное послѣ смерти его, по порученію Князя Потемкина, подъ заглавіемъ: *Пѣшеходца Вас. Григ. Барскаго путешествія ко святымъ мѣстамъ Европы, Азіи и Африки*;

9) *Семенъ Климовскій*, Малороссійскій казакъ, жившій около двадцатыхъ годовъ XVIII стол. Онъ былъ въ стихотворствѣ ученикъ природы, сочинилъ нѣсколько

Князь *Антіохъ Кантемиръ*, сынъ Молдавскаго Господаря, присягнувшаго на вѣрность Петру Великому со всѣмъ своимъ семействомъ. Онъ родился въ Константинополѣ въ 1709 г. и умеръ въ Парижѣ, въ званіи посланника, въ 1744 г. Европейское образованіе, знаніе весьма многихъ языковъ и истинно классическая ученость, пріобрѣтенная имъ во время слушанія лекцій въ Академіи Наукъ, возвышали этого просвѣщеннаго мужа надъ многими его современниками.

Важнѣйшее его сочиненіе составляютъ восемь сатиръ въ силлабическихъ стихахъ. Этотъ родъ поэзіи былъ предпочтенъ имъ всѣмъ прочимъ, какъ кажется, по двумъ причинамъ: во первыхъ господствовавшее направленіе поэзіи въ его время было сатирическое; основатель его, Буало, былъ тогда еще живъ и считался первымъ авторитетомъ вообще въ области поэзіи; во вторыхъ, самое состояніе обновленнаго Русскаго общества, преобразованнаго Петромъ Великимъ во всѣхъ частяхъ, представляло много такого, что могло быть осмѣяно, что, какъ недозрѣлое и превратное, такъ сказать, само просилось въ сатиру.

Предметомъ нападеній и порицаній въ сатирахъ Кантемира были невѣжество, отсталость и противодѣйствіе новому движенію и порядку дѣлъ (*). Складъ стиховъ, образъ разсужденій почти во всякой сатирѣ напоминаютъ начитанность и вліяніе иноземныхъ образцовыхъ писателей въ этомъ родѣ, Горація, Ювенала и Буало; но Кантемиръ заимствуетъ у нихъ не столько содержаніе, сколько планъ и поэтическіе пріемы. Это какъ бы чужая канва, по которой онъ выводилъ свои узоры и въ готовыя формы вставлялъ изображенія со-

---

пѣсенъ и написалъ даже поэму силлабическими стихами подъ заглавіемъ: *О правдѣ и великодушіи благодѣтелей*;

10) *Кирша Даниловъ*, родомъ изъ Кіева, служившій при Петрѣ Великомъ въ Сибири. Онъ можетъ быть скорѣе названъ собирателемъ, нежели сочинителемъ, потому что въ его сборникѣ находятся пѣсни и сказки различнаго характера, принадлежащія разнымъ вѣкамъ.

(*) Такъ, на примѣръ, въ сатирѣ „*На хулящихъ ученіе*" скупецъ Сильванъ изображенъ слѣдующимъ образомъ:

Сильванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего не зная Латынѣ
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.

Въ другой сатирѣ пьяница Лука разсуждаетъ:

Какъ скоро по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ;
Когда будутъ течь ко ключамъ своимъ быстры рѣки
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки,
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.

или: Щеголь Медоръ тужитъ, что чрезъ чуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не во что завертѣть завитыя кудри,
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ,
Рексу, не Цицерону, похвала достоитъ.

временной жизни. Характеръ Русскихъ впрочемъ не вездѣ выдержанъ, и они нерѣдко представляютъ собою снимки съ Римлянъ временъ Горація.

Отдѣлъ 2.

Литература при Императрицѣ Елисаветѣ.

§ 10. Въ царствованіе Елисаветы прежнія Нѣмецко-Голландскія формы общежитія смѣнены Французскими, но престолъ Императрицы окружили вельможи Русскіе. Это возрожденіе народной стихіи отразилось и въ Словесности отличительною ея чертою, восторженностію религіозною и патріотическою (см. Хрест. Ч. I стр. 50 и слѣд.). Впрочемъ, какъ главное направленіе въ предъидущемъ отдѣлѣ разсматриваемаго періода можно назвать схоластическимъ, такъ въ этомъ отдѣлѣ оно сказалось реторическимъ: пристрастіе къ украшеніямъ рѣчи, къ громкимъ фразамъ, общимъ мѣстамъ и одинаковымъ пріемамъ было всеобщее.

Къ самымъ важнымъ дѣйствіямъ на пользу народнаго просвѣщенія принадлежитъ открытіе Московскаго Университета въ 1755 году и первыхъ двухъ Гимназій въ Москвѣ и Казани, учрежденіе Русскаго театра, устройство Морскаго Кадетскаго Корпуса и Академіи Художествъ. Всѣ эти воспитательныя и образовательныя заведенія были основаны стараніями знаменитаго въ то время ревнителя просвѣщенія и покровителя ученыхъ. Графа Ивана Ивановича Шувалова *).

§ 11. Главными представителями на поприщѣ литературной дѣятельности при Елисаветѣ являются *Ломоносовъ* и *Сумароковъ* **). Хотя, по господствовавшему въ тогдашнее время взгляду на призваніе писателя и занятія литературою, каждый изъ нихъ старался пред-

---

(*) До времени учрежденія Московскаго Университета, по плану Ломоносова, высшимъ и лучшимъ учебнымъ заведеніемъ послѣ Гимназіи, находившейся при Академіи Наукъ, былъ Сухопутный Кадетскій Корпусъ, основанный въ царствованіе Анны подъ руководствомъ Миниха.

(**) Раньше своихъ современниковъ-литераторовъ сталъ писать *Тредьяковскій*. Онъ былъ сынъ приходскаго священника, родился въ Астрахани въ 1703 г. и умеръ въ С. Петербургѣ въ 1769г. въ званіи Профессора Краснорѣчія при Академіи Наукъ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ семинаріи, оттуда поступилъ въ Заиконоспасское училище въ Москвѣ, былъ переведенъ въ Гимназію при Академіи Наукъ и наконецъ посланъ въ Парижъ, для усовершенствованія.

По многостороннимъ, обширнымъ свѣдѣніямъ и основательнымъ познаніямъ, въ языкахъ и наукахъ, онъ занималъ почетное мѣсто, какъ ученый и академикъ, но, какъ писатель, снискалъ себѣ уваженіе лишь своимъ до невѣроятности неутомимымъ трудолюбіемъ и любовью къ литературѣ. Сочиненія же его не произвели впечатлѣнія на послѣдующее поколѣніе и остались памятниками задушевныхъ убѣжденій автора въ понятіяхъ о Словесности и языкѣ, которыя онъ горячо отстаивалъ, не смотря на успѣхи, оказанные въ его время Ломоносовымъ, при противоположныхъ взглядахъ на тотъ же предметъ.

Важнѣйшимъ трудомъ его почитается *Тилемахида*, переводъ Фенелонова Телемака, написанная весьма тяжелыми и неуклюжими гекзаметрами съ обширнымъ предисловіемъ объ ироической поэмѣ. Кромѣ того, еще замѣчателенъ его переводъ Ролленевой и Кревіеровой *Древней Исторіи*, *Исторіи Римской Республики и Римскихъ Императоровъ*.

ставить образцы во всѣхъ родахъ поэзіи и прозы, а не посвящал своихъ дарованій одному какому либо отдѣлу изящной Словесности исключительно. однако Ломоносовъ является преимущественно лирикомъ, а Сумароковъ драматургомъ.

Ломоносовъ (1711-1765), сынъ рыбака Архангельской губерніи, изъ деревни Денисовской, близъ Холмогоръ, учился грамотѣ у приходскаго церковника и, для изученія наукъ, тайно бѣжалъ изъ дома родительскаго въ Москву, гдѣ принятъ былъ въ Заиконоспасское училище. Отсюда, за свои способности и успѣхи въ наукахъ, отправленъ, для изученія естественныхъ наукъ, въ Петербургскую Академію Наукъ, а по окончаніи тамъ курса, былъ посланъ въ Марбургъ, для усовершенствованія Тамъ онъ прожилъ четыре года, тайно женился и бѣжалъ отъ долговъ; дорогою завербованъ былъ въ Прусскую службу, но успѣлъ убѣжать изъ крѣпости Веселя и, чрезъ Голландію, возвратился въ Петербургъ, гдѣ занялъ въ Академіи мѣсто Профессора физическихъ наукъ.

Сочиненія его въ стихахъ суть: 1) двѣ пѣсни поэмы *Петріада*; 2) посланіе къ Шувалову *о пользѣ стекла*; 3) 11 одъ духовныхъ; 4) 19 одъ торжественныхъ и 5) двѣ очень слабыя трагедіи и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Въ прозѣ написаны имъ: два похвальныя слова Петру Великому и Елисаветѣ, Краткій Россійскій Лѣтописецъ, до смерти Петра Великаго, Древняя Россійская Исторія до удѣловъ, Россійская грамматика, Краткое руководство къ Краснорѣчію, два письма о правилахъ Россійскаго стихотворства и пользѣ чтенія церковныхъ книгъ, и, наконецъ, разныя сочиненія касательно Физики, Химіи, Металлургіи, Астрономіи и пр.

Пушкинъ называетъ Ломоносова первымъ Русскимъ университетомъ, потому что онъ соединялъ въ себѣ знанія самыя разнообразныя и былъ единственный подвижникъ просвѣщенія въ Россіи въ промежутокъ времени между Петромъ Великимъ и Екатериною II. Онъ какъ бы олицетворялъ собою науку, ища ея въ жизни, въ Петрѣ, Елисаветѣ, въ Университетѣ, въ Академіи, наука была для него поэзіею; онъ первый писалъ о многихъ наукахъ и преподавалъ ихъ на Русскомъ языкѣ. Посему, онъ справедливо почитается отцемъ Русской Словесности (см. Хрест. ч. I стр. 41—44), хотя раздѣлялъ общее его современникамъ и ложное убѣжденіе, будто народный языкъ, „къ выраженію мыслей высокихъ неспособный", требуетъ облагороженія посредствомъ подчиненія его языку Латинскому въ синтаксическомъ отношеніи и Церковно-Славянскому въ лексикологическомъ.

Въ Грамматикѣ своей Ломоносовъ облекъ Русскій языкъ въ свойственныя ему этимологическія формы, строго отличивъ ихъ отъ Славянскихъ, и хотя данное имъ направленіе письменному языку осталось не безъ пользы, однако подражателями Ломоносова: Петровымъ въ его тріумфальныхъ одахъ и Херасковымъ въ патріотическихъ поэмахъ *Россіяда* и *Владиміръ* доведено до крайности, такъ что надолго былъ закрытъ для нашей Словесности живой источникъ народнаго языка

и ввелась въ нашъ книжный какая-то напыщенная для Русскаго уха дикая и съ трудомъ понятная рѣчь.

Въ стихотвореніяхъ своихъ Ломоносовъ былъ хотя менѣе поэтъ (см. Хр. ч. I стр. 56—57), чѣмъ въ своей многотрудной жизни, но онъ водворилъ у насъ приличный нашему языку основанный на удареніяхъ — тоническій размѣръ стиховъ, и въ своихъ, особенно духовныхъ одахъ, писалъ возвышенно, сильно; впрочемъ, онъ мало заботился о своей поэтической славѣ и презиралъ Сумарокова, который, по его словамъ, ни о чемъ кромѣ бѣднаго риѳмотворства своего не думаетъ.

Исторія театра въ Россіи. Сумароковъ.

§ 12. Для первыхъ сценическихъ представленій служили у насъ, какъ и въ западной Европѣ, духовныя драмы или, лучше сказать, ораторскіе разговоры, которыя стали прежде всего разъигрывать въ Кіевѣ, куда проникло Польское образованіе въ началѣ XVII столѣтія, а оттуда онѣ перешли въ Москву, вмѣстѣ съ переселеніемъ многихъ ученыхъ изъ Кіевской Духовной Академіи въ Московскую (*).

Такія священныя драмы представлялись студентами Кіевской Академіи въ коридорахъ Братскаго монастыря, въ бурсѣ и въ частныхъ домахъ, а во время вакацій по Украинскимъ и ближайшимъ Русскимъ городамъ, сначала на Польскомъ, а потомъ на Церковно-Славянскомъ языкѣ. Лучшими писателями духовныхъ драмъ были Св. Димитрій, Симеонъ Полоцкій, Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Со временъ Царя Алексѣя Михайловича, при Дворѣ постоянно находился театръ. Въ селѣ Преображенскомъ нѣмецкіе актеры играли пьесы съ музыкою и танцами, и въ играхъ ихъ участвовали дворовые люди боярина Матвѣева, которые успѣли перенять, какъ сказано, нѣмецкія хитрости. Первая свѣтская драма, комедія Мольера *Врачъ противъ воли* (Le medecin malgré lui) была переведена Царевной Софіей Алексѣевной.

При Петрѣ Великомъ придворнаго театра не было. Драматическія представленія замѣнились въ его время маскерадами. До Императрицы Елисаветы всѣ сценическія учрежденія, равно какъ и драматическія произведенія, были чисто иностранныя, и театръ составлялъ удовольствіе, доступное лишь тѣмъ, кто имѣлъ входъ ко Двору. Пріѣзжали нѣмецкіе актеры, иногда отдавали болѣе опытному изъ нихъ, какъ мастеру, въ ученье мальчиковъ, которые потомъ играли въ балаганахъ, во время народныхъ увеселеній на Святой недѣлѣ и на Масляной.

Но отцемъ Русскаго театра почитается *Сумароковъ*. Воспитываясь въ Кадетскомъ корпусѣ, начитавшись Корнеля и Расина, онъ началъ самъ писать трагедіи, и тутъ-же, съ товарищами, представлять ихъ. Когда объ этомъ узнала Императрица Елисавета, то

(*) Введенію первыхъ театральныхъ зрѣлищъ при дворѣ Царя Алексѣя Михайловича много содѣйствовали, какъ полагаютъ, разсказы дворянина Вас. Лихачева, который былъ посланникомъ во Флоренціи и, между прочими диковинками, видѣлъ тамъ комедію.

она заставляла ихъ играть иногда при Дворѣ. Скоро, однакожъ, отыскали настоящихъ актеровъ въ Ярославлѣ. Тамъ купеческій сынъ *Ѳедоръ Волковъ* устроилъ въ своемъ домѣ сцену, на которой разъигрывалъ съ своими пріятелями священныя драмы. Ихъ вызвали въ Петербургъ, отдали въ школу, посылали учиться за границу, и въ 1756 году открытъ былъ въ Петербургѣ первый Русскій театръ, коего первымъ директоромъ сдѣлался Сумароковъ, а первыми замѣчательными актерами Волковъ и Дмитревскій.

Сумароковъ, ошибочно принимавшій свою великую охоту къ поэзіи за дарованіе, съ необыкновеннымъ прилежаніемъ обогащалъ репертуаръ Русскаго театра. Онъ написалъ множество трагедій и комедій, заимствуя для нихъ содержаніе, расположеніе, мысли и чувства изъ Французскихъ классиковъ; онъ ввелъ въ обычай слѣпое имъ подражаніе и вообще пристрастіе къ передѣлкамъ съ Французскаго, что у насъ осталось въ употребленіи до новѣйшаго времени. Извѣстнѣйшія его комедіи суть: *Опекунъ* и *Лихоимецъ*, а трагедіи: *Гамлетъ* и *Хоревъ*. Лучшую сторону ихъ составляютъ лирическое патріотическое чувство и благородство личныхъ мыслей.

Отдѣлъ 3.

Литература въ царствованіе Екатерины II.

§ 13. Въ царствованіе Екатерины II. движеніе народнаго образованія хотя не уклонялось вообще съ пути подражанія, указаннаго Петромъ Великимъ, но, по собственному примѣру Государыни (*), лучшіе умы вѣка стали обращать вниманіе на изученіе народа въ его языкѣ и исторіи, а равно и географіи Россіи (**). Соотвѣтственно тому, и въ области изящной Словесности изъ господствовавшей тогда подражательной классической школы являются блестящими исключеніями: Державинъ по могучимъ порывамъ неподдѣльнаго ли-

---

(*) Императрица усердно и съ любовію занималась Русскимъ языкомъ, много на немъ писала, между прочимъ сочиняла драмы для Эрмитажнаго театра, участвовала въ періодическихъ изданіяхъ и учредила Россійскую Академію съ цѣлію разработки и очищенія Русскаго языка.

(**) Изслѣдованіями по части отечественной Исторіи занимались тогда Кн. Щербатовъ, Болтинъ, Голиковъ, Миллеръ, Шлецеръ и Стриттеръ. *Щербатовъ* написалъ Русскую Исторію до дома Романовыхъ въ 15 томахъ, но сочиненіе это по устарѣлому слогу и по несоблюденію условій науки не пользуется извѣстностію. *Болтинъ* началъ свои критико-историческіе труды съ разбора ошибокъ и невѣрностей, какія сдѣланы были Французомъ Леклеркомъ въ его Исторіи Россіи. При этомъ онъ коснулся также промаховъ въ Исторіи Щербатова, и между ними открылась историческая полемика. *Голиковъ* съ малолѣтства пристрастился къ чтенію описаній дѣяній Петра Великаго и собралъ въ послѣдствіи обильные матеріялы для его Исторіи.

Миллеръ сочинилъ первый *Сибирскую Исторію*, *Шлецеръ* прославился критическимъ изданіемъ лѣтописи Нестора, а *Стриттеръ* собиралъ *Извѣстія Византійскихъ историковъ*, объясняющія Россійскую Исторію древнихъ временъ и переселенія народовъ.

Учрежденная въ 1783 году Россійская Академія трудилась надъ составленіемъ Русскаго Словаря и Русской Грамматики.

ризма и своенародною сатирою, Фонъ-Визинъ оригинальною комедіею, почерпнутою изъ современнаго ему общества.

Въ числѣ новыхъ учрежденій для распространенія просвѣщенія, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, особенно замѣчательны два Воспитательные дома, въ Петербургѣ и Москвѣ, устроенные по плану и представленію И. И. Бецкаго, Институтъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, при Смольномъ монастырѣ, Артиллерійскій и Инженерный корпусы, Вольное Экономическое Общество и открытіе народныхъ училищъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ.

Распространенію любви къ чтенію и значительной литературной дѣятельности много содѣйствовали разныя повременныя изданія (*), выходившія при Екатеринѣ II. въ большомъ количествѣ, съ весьма разнообразнымъ направленіемъ. Изъ журналистовъ-издателей преимущественно замѣчателенъ *Новиковъ* († 1818), неутомимый ревнитель просвѣщенія и грамотности. Онъ первый открылъ частныя типографіи, межъ тѣмъ какъ до него существовали лишь одни казенныя, устроивалъ въ разныхъ городахъ книжныя лавки, библіотеки для чтенія, издавалъ много книгъ и журналовъ. Наибольшею извѣстностію пользуется его *Древняя Россійская Вивліоѳика*, — сборникъ свѣдѣній объ отечественной Исторіи.

§ 14. Изъ писателей въ духовно-поучительномъ родѣ прославились въ вѣкъ Екатерины II. *Платонъ*, Митрополитъ Московскій, и *Георгій Конисскій*, Могилевскій Архіепископъ.

Платонъ Левшинъ (1737 - 1812) былъ законо-учителемъ при Наслѣдникѣ Престола, потомъ Императорѣ Павлѣ I., и придворнымъ проповѣдникомъ. Изъ привѣтственныхъ его рѣчей лучшею почитается произнесенная имъ при коронованіи Императора Александра I.

§ 15. *Державинъ* (1743—1816) былъ изъ дворянъ Казанской губерніи, по преданіямъ Татарскаго происхожденія. Образованіе свое онъ получилъ въ Казанской гимназіи, началъ сочинять стихи еще ученикомъ и поступилъ, по примѣру всѣхъ дворянъ тогдашняго времени, въ военную службу. Въ послѣдствіи времени онъ служилъ въ Сенатѣ, былъ Губернаторомъ въ Тамбовѣ, Статсъ-Секретаремъ при Екатеринѣ II. и Министромъ юстиціи при Александрѣ I., въ первые два года по открытіи Министерствъ.

Какъ писатель онъ является исключительно лирикомъ съ наклонностью къ сатирѣ и дидактикѣ въ тогдашнемъ вкусѣ, а избранный имъ родъ лирической поэзіи была ода.

Всѣ его оды могутъ быть, по содержанію, раздѣлены на: 1) духовныя или религіозныя; 2) патріотическія, въ которыхъ поэтъ воодушевляется славными современными отечественными событіями и

(*) Первый любопытный и занимательный по цѣли своей журналъ въ Россіи явился подъ заглавіемъ *Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія*. Онъ издавался съ 1755 г. Академикомъ Миллеромъ.

прославляетъ виновницу ихъ, Императрицу Екатерину II., и 3) анакреонтическія, гдѣ стихотворецъ является человѣкомъ своего времени, подчиняется господствующему духу, развившемуся тогда въ слѣдствіе чувственной философіи XVIII. вѣка, и воспѣваетъ наслажденія земной жизни.

Къ лучшимъ произведеніямъ, въ первомъ родѣ, относятся духовныя оды: «Богъ», идея которой возникла у поэта во время заутрени въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ дворцовой церкви, «Властителямъ и Судіямъ», «На безбожниковъ» — «Безсмертіе души» — «Цѣленіе Саула» и переложенія нѣкоторыхъ псалмовъ.

Изъ одъ патріотическихъ наиболѣе извѣстны: «Фелица» — «Изображеніе Фелицы» — «Видѣніе Мурзы» — «Водопадъ» — «На взятіе Измаила» — «Переходъ черезъ Альпы»: — изъ нравственныхъ, — «На кончину благотворителя» (Бецкаго) — «На смерть Князя Мещерскаго» и др.

Въ числѣ антологическихъ и анакреонтическихъ одъ замѣчательны: «Приглашеніе къ обѣду» — «Къ первому сосѣду» — «Гостю» — «На счастіе» и другія.

Какъ Ломоносова по глубоко вѣрному замѣчанію Профессора Шевырева можно назвать поэтомъ мысли, потому что наука была предметомъ его поэтическихъ восторговъ и въ духовныхъ своихъ одахъ онъ преимущественно сочувствовалъ псалмамъ о премудрости Божіей; такъ Державинъ является поэтомъ правды. Лишившись отца еще въ дѣтствѣ, онъ былъ свидѣтелемъ терзаній и слезъ своей матери, которая, опасаясь въ запутанномъ процессѣ потерять скудное имѣніе, брала съ собою ребенка — сына, чтобы разжалобить судей. Тогда уже заронилось въ его сердце чувство правды, воспитанное въ немъ послѣдующею его жизнію. Оно легло въ основу его поэзіи и сообщило ей высокій нравственный характеръ. Сюда относятся его оды: «Властителямъ и Судіямъ» — «Праведный Судія» — «Вельможа» — «Введеніе Соломона въ судилище» — «Посланіе къ Храповицкому» и переложенные псалмы преимущественно правдѣ. Даже въ его холодныхъ, дидактическихъ стихотвореніяхъ отдѣльныя мѣста о правдѣ отличаются необыкновенною яркостью.

Чуждый сильныхъ чувствъ и увлеченія мыслей, Державинъ обладалъ сильнымъ, громаднымъ воображеніемъ, и потому творенія его отличаются обиліемъ прелестныхъ картинъ и величавыхъ образовъ. Но красотѣ его произведеній много вредятъ частыя, холодныя разсужденія, реторическія прикрасы, склонность къ длиннотѣ. Отъ того въ его стихотвореніяхъ поражаетъ насъ частая смѣна мѣстъ сильныхъ съ слабыми, невыдержанность или совершенное отсутствіе плана и связи. Самый языкъ его, при вдохновеніи благозвучный и блистательный, въ другихъ случаяхъ теменъ, запутанъ и нерѣдко крайне неправиленъ.

§ 16. Современные Державину лирическіе поэты были: *Капнистъ* *), отличавшійся элегическимъ направленіемъ; *Каменевъ*, первый сочинитель на Русскомъ языкѣ баллады (*Громвалъ*); *Нелединскій-Мелецкій*, отличающійся въ своихъ, народнымъ духомъ проникнутыхъ пѣсняхъ, грустію и шутливостію; *Князь Долгорукій*, писавшій философскія оды (Завѣщаніе — Каминъ въ Москвѣ) и посланія; *Петровъ*, поэтъ многомыслящій, но рѣдко выражавшійся въ образахъ, замѣняя ихъ громогласностію и наборомъ фразъ.

Эпическіе стихотворцы, современные Державину были: *Богдановичъ*, *Херасковъ* и *Костровъ*.

Богдановичъ (1743—1803) составилъ себѣ имя въ Литературѣ своею романтическою поэмою *Душенька*. Содержаніе ея онъ заимствовалъ изъ Лафонтенова сочиненія Les amours de Psyché et de Cupidon; *Лафонтенъ* же почерпнулъ свой разсказъ изъ сказки Греческаго писателя Апулея *Золотой оселъ*. *Богдановичъ* высказалъ въ этой поэмѣ неподдѣльное вдохновеніе и очаровалъ своихъ современниковъ необыкновеннымъ, по тому времени, легкимъ, изящнымъ стихомъ и игривымъ разсказомъ.

Костровъ переложилъ съ подлинниковъ часть *Гомеровой* Иліады, *Апулеева* Золотаго осла и Оссіяна съ Французскаго текста. Иліаду переводилъ онъ не гекзаметрами, а александрійскими стихами и высказалъ въ замѣчательной степени силу творчества относительно языка.

Херасковъ былъ Кураторомъ Московскаго Университета и, въ этомъ званіи, отличался не только усердіемъ къ распространенію просвѣщенія, но старался, гдѣ могъ, покровительствовать молодымъ ученымъ и писателямъ. Какъ литераторъ, онъ принадлежитъ къ числу строгихъ послѣдователей Ломоносовской школы и пользовался извѣстностію по своимъ двумъ поэмамъ *Россіяда* и *Владиміръ* и романамъ, первымъ произведеніямъ, въ этомъ родѣ, на Русскомъ языкѣ. (*Нума Помпилій*, *Полидоръ и Гармонія*, *Пилигримы*, *или искатели счастія*). Планъ и мысли послѣднихъ заимствованы изъ Фенелонова Телемака, только съ перемѣною дѣйствующихъ лицъ и мѣстности.

§ 17. *Хемницеръ* (1744—1784) былъ лучшимъ изъ нашихъ баснописцевъ въ прошедшемъ столѣтіи. Не смотря на иноплеменное происхожденіе, онъ отличается въ басняхъ Русскимъ складомъ ума и довольно легкимъ, свободнымъ, по тому времени, языкомъ; но онъ несравненно ниже слѣдовавшихъ за нимъ баснописцевъ, Дмитріева и и Крылова. Самостоятельныхъ басенъ у него мало, бо́льшая часть переведены изъ Геллерта и Лафонтена, а къ лучшимъ должны быть отнесены: Метафизикъ, Орлы, Привязанная собака, Левъ, учредившій совѣтъ.

Фонъ-Визинъ (1745-1792) происходилъ отъ древняго дворян-

(*) Капнистъ извѣстенъ, кромѣ своихъ элегій, еще переводами нѣсколькихъ одъ Горація, въ особенности комедіею *Ябеда*, которая имѣла большой успѣхъ на сценѣ и, какъ вѣрное, мѣткое изображеніе канцелярскихъ продѣлокъ и лихоимства, долго на ней держалась.

скаго рода, переселившагося изъ Остзейскаго края въ Россію при Михаилѣ Θеодоровичѣ. Онъ родился въ Москвѣ, воспитывался въ тамошнемъ университетѣ въ одно время съ Потемкинымъ, и служилъ въ Иностранной Коллегіи.

Между тѣмъ какъ Державинъ выражалъ въ своихъ произведеніяхъ преимущественно патріотическое сочувствіе къ величію отечества и свѣтлой сторонѣ современнаго ему быта, хотя мѣстами вооружался также сильною сатирою противъ суетной роскоши, блеска и пресыщанія, — главныхъ пороковъ временъ Екатерины, Фонъ-Визинъ, какъ комикъ, останавливался по внушенію такого же патріотическаго воодушевленія, такъ сказать, на изнанкѣ вѣка, противодѣйствовалъ неразумной сторонѣ эпохи.

Въ первой своей комедіи *Бригадиръ*, написанной имъ еще до двадцатилѣтняго возраста, поэтъ возстаетъ противъ ложныхъ началъ воспитанія, которое многіе ограничивали тогда только знаніемъ Французскаго языка, и вообще противъ предпочтенія всего иноземнаго Русскому. На этомъ произведеніи еще замѣтно вліяніе Французскихъ классиковъ относительно завязки, но лице Бригадира есть превосходный, художественный типъ.

Другая его знаменитая комедія *Недоросль* явилась черезъ двадцать лѣтъ послѣ первой, въ 1782 г., и отличается отъ нея художественнымъ достоинствомъ и глубиною мысли. Въ ней язвительно осмѣяны невѣжество и грубость нравовъ нѣкоторыхъ сельскихъ дворянъ, какъ слѣдствія невоспитанности.

Въ числѣ прочихъ его произведеній замѣчательны: комедія *Выборъ гувернера*, *Письма изъ Франціи*, *Опытъ придворной грамматики*, *Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ* и, наконецъ, его два единственныя произведенія, написанныя стихами: *Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову*, *Ванькѣ и Петрушкѣ* и *Къ уму моему*.

Главная прелесть произведеній Фонъ-Визина состоитъ въ естественности и живости дѣйствія, въ колкой шутливости, въ веселомъ, неистощимомъ остроуміи. Но слабая, можно даже сказать, скучная сторона въ нихъ есть страсть къ нравоученіямъ и длиннымъ разсужденіямъ, бывшая въ духѣ тогдашняго времени. Комедіи его написаны языкомъ разговорнымъ, а потому и донынѣ мало устарѣвшимъ.

На драматическомъ поприщѣ подвизались съ успѣхомъ, кромѣ Фонъ-Визина, еще *Княжнинъ* и *Аблесимовъ*.

Княжнинъ (1742—1791) былъ другъ и родственникъ Сумарокова, хотя дарованіемъ, правильностію языка въ своихъ произведеніяхъ онъ и превосходилъ Сумарокова, однако, подобно ему, позволялъ себѣ неумѣренныя заимствованія изъ Французскихъ классиковъ, въ трагедіяхъ-же отличался высокопарностію. Впрочемъ, публика любила произведенія его и Сумарокова за патріотическія чувства, нерѣдко въ нихъ встрѣчающіяся.

Къ лучшимъ произведеніямъ Княжнина принадлежатъ его двѣ

комедіи: *Хвастунъ и Чудаки* (подражаніе комедіи Детуша L'homme singulier) и комическая опера *Сбитенщикъ*.

Аблесимовъ († 1784) былъ переписчикомъ у Сумарокова; прославился весьма удачною комическою оперою *Мельникъ*. Это первое произведеніе, содержаніе котораго взято изъ Русскаго крестьянскаго быта, чего вообще такъ чуждались писатели реторическаго направленія.

II. ПЕРІОДЪ.

§ 18. Второй періодъ новѣйшей Исторіи Русской Словесности заключаетъ въ себѣ первую половину XIX вѣка. Господствовавшею мыслію предшествовавшей эпохи, отразившеюся въ дѣятельности главныхъ лицъ на поприщѣ, какъ политическомъ, такъ и словесномъ, было исканіе славы, во славу отечества: съ воцареніемъ Александра I. выразилось полное сочувствіе къ Западу и въ представителяхъ нашей Словесности. Карамзинъ стремился усвоить ей все лучшее, общечеловѣческое, безъ всякой пристрастной исключительности, Жуковскій вносилъ въ нее стихіи Германскаго и Англійскаго романтизма, Батюшковъ красоты поэзіи Италіянской. Но послѣ всемірной политической катастрофы 1812 года, когда отечество наше славно отразило совокупныя силы враждебнаго Запада, шедшія на его погибель, начинается у насъ возвращеніе къ своему народному: Крыловъ и Карамзинъ въ послѣдніе годы своей жизни были представителями этого новаго направленія. Въ послѣдовавшее за тѣмъ царствованіе блаженной памяти Императора Николая I. произошло у насъ еще тѣснѣйшее прилѣпленіе къ изученію самихъ себя; съ необыкновеннымъ рвеніемъ стали собирать памятники нашей древней государственной и народной жизни, издавать лѣтописи, юридическіе акты, законы, пѣсни и т. п. Въ словесности нѣкоторое время продолжалось еще господство Французской классической школы, теоретикомъ которой является у насъ Мерзляковъ, а послѣдними и лучшими ея представителями были Дмитріевъ и Карамзинъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ. Они довершили главную заслугу этой школы — обработку языка и слога. Впрочемъ, Карамзинъ сочувствіемъ своимъ начинаетъ романтизмъ, а послѣдними томами Исторіи Государства Россійскаго полагаетъ зародышъ художественно-народному направленію Словесности.

Въ правленіе Императоровъ Александра I и Николая I открыто было учрежденій въ пользу наукъ и образованія болѣе, нежели въ какое-либо изъ предъидущихъ царствованій. Въ 1802 году учреждено Министерство Народнаго Просвѣщенія, и вся Россія раздѣлена на шесть учебныхъ округовъ: Московскій, Дерптскій, С. Петербургскій, Харьковскій, Казанскій, Виленскій. При Императорѣ Николаѣ I Виленскій округъ переименованъ Бѣлорусскимъ и открыто вновь четыре округа: Варшавскій, Кіевскій, Одесскій, Кавказскій. Вслѣдъ за тѣмъ основаны высшія учебныя заведенія: въ 1803 г. Главный Педагогическій

Институтъ въ С. Петербургѣ; въ 1805 г. Харьковскій Университетъ; Нѣжинскій Лицей, на иждивеніи Князя Безбородко; Ярославскій Лицей, на иждивеніи Демидова; Казанскій Университетъ; въ 1809 г. преобразованъ Абовскій, нынѣ Гельзингфорскій; Лицей въ Царскомъ Селѣ и Ришельевскій въ Одессѣ; въ 1819 С. Петербургскій Университетъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ постепенно открывались гимназіи, въ уѣздныхъ городахъ уѣздныя и приходскія училища, въ послѣдствіи, во многихъ селахъ — сельскія.

Наравнѣ съ тѣмъ, и по духовному вѣдомству открыты четыре Духовныхъ Академіи, въ С. Петербургѣ, Москвѣ (при Сергіевской Троицкой Лаврѣ, Кіевѣ и Казани; въ губернскихъ городахъ учреждены семинаріи, а въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ уѣздныя и приходскія училища.

Успѣхамъ Словесности содѣйствовали общества, въ особенности Общество Любителей Русской Словесности въ Москвѣ и Петербургѣ.

Литературная дѣятельность втораго періода представляетъ три отдѣла, изъ которыхъ первый можно назвать Карамзинскою эпохою, второй эпохою Жуковскаго Пушкинъ открываетъ собою третій, послѣдній отдѣлъ.

Карамзинская эпоха отличается образованіемъ изящной Русской прозы и преобладаніемъ сентиментальности, занесенной къ намъ съ Запада, гдѣ предъ тѣмъ распространилось ученіе о чувствѣ Жанъ Жака Руссо, который въ чувствѣ искалъ разумнаго оправданія страстей и полноты бытія, нарушенной скептицизмомъ Французскихъ энциклопедистовъ,

Жуковскій утвердилъ въ Словесности направленіе романтическое и тѣмъ самымъ положилъ конецъ вліянію на нее Французской классической школы.

Наконецъ, съ Пушкинымъ открывается въ нашей Словесности эпоха народно-Европейская, отличающаяся стремленіемъ къ самостоятельности, полной художественности, и притомъ въ народномъ духѣ.

Отдѣлъ 1.

§ 19. Духовное слово, начавшееся у насъ вскорѣ по водвореніи Христіанства, не прерывалось до второй половины XVI вѣка, когда въ церквахъ нашихъ стали говорить не собственныя проповѣди, но поученія вселенскихъ Отцевъ Церкви: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Ефрема Сирина и др., а также и прежнихъ Русскихъ проповѣдниковъ. Въ XVII вѣкѣ Симеонъ Полоцкій своимъ примѣромъ возобновилъ обычай сочинять и произносить проповѣди; съ того времени, въ церковномъ словѣ, неизмѣнномъ по основному содержанію, повторились, что касается внѣшнихъ формъ изложенія и языка, явленія, сопровождавшія развитіе нашей свѣтской Словесности: такъ въ немъ отозвались и схоластическое, и реторическое направленія, безъ ихъ крайностей. Духовные наши витіи не только воспользовались плодами преобразованій Ломоносовскаго и Карамзин-

скаго періода, но сами значительно подвигали совершенствованіе языка и слога, внося въ свои творенія невѣтшающія сокровища древней нашей письменности, охраняя чистоту своенародной рѣчи и тѣмъ, до самаго новѣйшаго времени, противодѣйствуя излишнимъ вліяніямъ новыхъ языковъ на нашъ, въ слѣдствіе ближайшаго ознакомленія съ новыми Литературами, особенно съ Германскою.

Представителями церковнаго витійства въ этомъ періодѣ должно назвать знаменитыхъ, современныхъ намъ учителей вѣры *Филарета* и *Иннокентія* (*).

Филаретъ, Митрополитъ Московскій (род. въ 1782), оказалъ важныя услуги Церкви своими духовно-учебными трудами: *Начертаніе Церковно-библейской исторіи*, *Пространный Катихизисъ* и др. Въ проповѣдяхъ своихъ, раскрываетъ ли онъ высочайшія истины вѣры, или преслѣдуетъ порокъ, дѣйствуя на разумъ слушателей, вездѣ изумляетъ онъ обширностію и глубиною мыслей, изложенныхъ съ необыкновенною ясностію и неотразимою убѣдительностію.

Иннокентій, Архіепископъ Херсонскій, (1800-1857) въ поученіяхъ своихъ, изданныхъ подъ названіемъ: *Свѣтлая*, *Страстная седмица* и др., дѣйствуетъ преимущественно на чувство, покоряя сердце слушателей умилительнымъ изображеніемъ любви Бога къ человѣчеству и поселяя въ немъ спасительное болѣзнованіе о своемъ недостоинствѣ.

§ 20. *Карамзинъ* (1765-1826) родился въ Симбирской губерніи, получилъ образованіе въ пансіонѣ Шадена при Московскомъ университетѣ, служилъ по окончаніи курса ученія три года въ Гвардіи, потомъ посвятилъ себя совершенно литературнымъ занятіямъ и съ 1803 года носилъ званіе Императорскаго исторіографа.

Онъ выступилъ на литературное поприще сперва беллетристомъ и издавалъ журналы *Московскій*, *Вѣстникъ Европы* и нѣсколько альманаховъ, въ которыхъ помѣщалъ, на ряду съ произведеніями другихъ сочинителей, свои стихотворенія, повѣсти и *Письма Русскаго путешественника*, описаніе своего двухлѣтняго путешествія по Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи. Съ 1803 года онъ посвятилъ себя исключительно сочиненію Исторіи Государства Россійскаго, которой первые 8 томовъ появились въ 1818 году, а послѣдній 12-ый, доведенный до временъ междуцарствія, изданъ уже по его смерти.

Стихотворенія Карамзина не имѣютъ высокаго поэтическаго достоинства и суть ничто иное, какъ выраженныя въ стихотворной формѣ мысли и чувства умнаго и просвѣщеннаго человѣка.

Повѣсти Карамзина: *Бѣдная Лиза*, изъ жизни современной, *Наталья, боярская дочь*, *Марѳа Посадница*, изъ міра историческаго, *Прекрасная царевна и счастливый Карло*, изъ народныхъ преданій, и другія отличаются чувствительностію, которая нынѣ кажется даже

(*) Другіе извѣстнѣйшіе проповѣдники были Архіепископы *Августинъ* Московскій (р. 1766) и *Амвросій* Казанскій (р. 1769), а изъ современныхъ намъ духовныхъ писателей замѣчательны: Епископы *Евсевій* и *Макарій* (послѣдній особенно своими богословскими трудами) и Протоіереи: *Маловъ, Кочетовъ, Бажановъ* и *Путятинъ*.

приторною, но источникомъ ея было не искуственное напряженіе, а природное свойство, отличающее его произведенія вообще. Тогдашняя публика восхищалась неестественною идилліею, которая, въ свое время, была даже полезнымъ противодѣйствіемъ нравамъ, разслабленнымъ господствовавшею предъ тѣмъ роскошью.

Въ *Письмахъ Русскаго путешественника* Карамзинъ знакомитъ читателей не только съ природою видѣнныхъ имъ странъ, но съ состояніемъ наукъ, искуствъ, художествъ, и представителями ихъ въ Европѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія.

Своимъ журналамъ онъ умѣлъ придать такую [занимательность, что, можно сказать, создалъ публику журнальныхъ читателей, ибо прежніе журналы, изъ коихъ первый, *Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія*, былъ издаваемъ Академикомъ Миллеромъ съ 1755 года, кромѣ того Сумарокова *Трудолюбивая пчела* и Богдановича *Невинное увеселеніе* не могли пріохотить къ себѣ публики, по односторонности и, отчасти, сухости своего содержанія.

Главный трудъ всей жизни Карамзина *Исторія Государства Россійскаго*, есть, по умному выраженію Пушкина, не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка. Карамзинъ долженъ былъ самъ собирать матеріялы, разбирать ихъ, сравнивать, повѣрять, короче, положить начало Русской Палеографіи, Исторической Географіи, Нумизматикѣ и пр. Преодолѣвъ всѣ эти трудности, онъ вполнѣ достигъ своей цѣли — возбудилъ въ своихъ соотечественникахъ охоту къ Исторіи предковъ, и вотъ основались историческія общества, явились вельможи-собиратели (*) Русскихъ древностей, страстные любители Русской Исторіи. Карамзинъ не имѣетъ себѣ равнаго между Русскими писателями въ красотахъ историческаго изложенія, картинныхъ описаніяхъ, одушевленномъ повѣствованіи, простотѣ разсказа и благородствѣ образа мыслей.

Величайшая заслуга Исторіографа, относительно языка, заключается въ образованіи изящной и правильной прозы, согласной съ духомъ и свойствами Русскаго языка. Онъ освободилъ письменную рѣчь отъ искуственныхъ оковъ Нѣмецко-Латинскаго синтаксиса, наложенныхъ на нее школою Ломоносова, положилъ начало сближенію рѣчи письменной съ разговорною и обогатилъ ее множествомъ словъ, которыя сперва онъ составлялъ по образцу словъ Нѣмецкихъ, Французскихъ и Англійскихъ, а потомъ сталъ заимствовать изъ древнихъ памятниковъ нашей Словесности. Противъ перваго способа обогащенія Русскаго языка, употребленнаго во зло подражателями Карамзина, сильно возставалъ въ свое время умный писатель Адмиралъ *Шишковъ*, издавшій по сему случаю весьма замѣчательное разсужденіе *О древнемъ и новомъ Русскомъ слогѣ*, которое остановило навод-

*) Извѣстнѣйшій изъ таковыхъ былъ Графъ Румянцевъ, сынъ героя Задунайскаго. Онъ печаталъ на свой счетъ историческіе труды ученыхъ: Калайдовича, Строева, Митрополита Евгенія, издалъ множество историческихъ памятниковъ, наконецъ, собравъ обширную библіотеку и Музей рѣдкостей, подарилъ ихъ Государству.

неніе Русской письменности галлицизмами. Слогъ Карамзина, совершенствовавшійся съ каждымъ новымъ томомъ его Исторіи, до сихъ поръ остался образцовымъ.

§ 21. Изъ числа поэтовъ, содѣйствовавшихъ столько же усовершенствованію Русскаго стихотворнаго языка, сколько Карамзинъ сдѣлалъ для языка прозаическаго. замѣчательнѣйшіе, въ этомъ отдѣлѣ, суть: *Дмитріевъ*, *Батюшковъ*, *Крыловъ*, *Мерзляковъ* и *Гнѣдичъ*.

Дмитріевъ (1760—1837) родился въ Симбирской губерніи, служилъ въ Гвардіи до чина Полковника, потомъ перешелъ въ гражданскую службу и былъ, при Императорѣ Александрѣ I, послѣ Державина, Министромъ Юстиціи

Лучшія его сочиненія: оды *Ермакъ*, *Освобожденіе Москвы* отъ Поляковъ въ 1612 г.; сатира *Чужой толкъ*, направленная на высокопарныхъ слагателей одъ; сказки: Причудница, Воздушные замки, Модная жена; четыре книги басенъ; нѣсколько мелкихъ стихотвореній и пѣсенъ.

Оды его, писанныя на старинный ладъ, не чужды напыщенности и изысканности. Ода *Размышленіе по случаю грома* есть переводъ изъ стихотворенія Гете *Границы человѣчества*, другая — *Къ Волгѣ* замѣчательна по соединенію историческихъ красокъ съ лиризмомъ, а *Ермакъ* изображаетъ завоеваніе Сибири въ видѣ разговора двухъ шамановъ о гибели Ермака при шумѣ волнъ Иртыша.

Пѣсни: *Стонетъ нѣжный голубочикъ* и др. нѣжны, и вполнѣ соотвѣтствуютъ господствовавшему тогда сентиментальному направленію.

Бо́льшая часть басенъ Дмитріева представляетъ прекрасные переводы изъ Лафонтена, Флоріана, Арно, и, хотя недостаетъ въ нихъ художественной простоты разсказа и народнаго взгляда на жизнь, что такъ плѣняетъ насъ въ Крыловѣ, за то живописностію изображеній онъ едва ли уступаетъ послѣднему.

Сказки его отличаются естественностію, простодушіемъ, милою шутливостію, и, притомъ, очень остроумны.

Батюшковъ (1787-1855) родился въ Вологдѣ, участвовалъ въ походахъ, съ 1806 по 1812 годъ, пото́мъ служилъ при посольствѣ въ Неаполѣ. Онъ не долго подвизался на литературномъ поприщѣ и пересталъ писать уже въ 1820 году, въ слѣдствіе душевной болѣзни, не прекращавшейся до самой смерти. Но его кратковременная дѣятельность не осталась безъ вліянія на развитіе Словесности и образованіе писателей послѣдующихъ.

Въ прозаическихъ своихъ сочиненіяхъ, которыя состоятъ изъ философскихъ и критическихъ статей (*Вечеръ у Кантемира*, *О характерѣ Ломоносова*; *Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи*), изъ описаній (*Отрывокъ изъ писемъ Русскаго офицера о Финляндіи*) и повѣстей изъ стараго Русскаго міра (*Предслава и Добрыня*) онъ былъ послѣдователемъ Карамзина, относительно слога и теоретическихъ понятій о Словесности.

Къ замѣчательнѣйшимъ его стихотвореніямъ принадлежатъ: *Умирающій Тассъ*, *На развалинахъ замка въ Швеціи*, *Гомеръ и Гезіодъ соперники*, сказка *Странствователь и домосѣдъ*, *На переходъ черезъ Рейнъ*, *Плѣнникъ* и разныя мелкія лирическія стихотворенія

Батюшковъ владѣлъ истиннымъ поэтическимъ даромъ и развилъ его основательнымъ воспитаніемъ, подъ руководствомъ дяди своего М. Н. Муравьева(*), бывшаго тогда Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа, а также изученіемъ Италіянскихъ поэтовъ, коимъ онъ преимущественно сочувствовалъ. Отличительная черта его поэзіи состоитъ въ стройномъ равновѣсіи воображенія и чувства, но особенно въ художественной обработкѣ стиха. Трудами его и слѣдующихъ за нимъ поэтовъ Русскій стихотворный языкъ освобожденъ отъ тѣхъ недостатковъ, которыми онъ страдалъ у поэтовъ прошлаго столѣтія, именно отъ устарѣлыхъ формъ, напримѣръ, неумѣстнаго усѣченнаго окончанія прилагательныхъ и причастій страдательныхъ, отъ запутанной разстановки словъ и неестественныхъ удареній. Произведенія Батюшкова изобилуютъ мелодическими, гармоническими стихами, которые прежде изрѣдка только встрѣчались у Ломоносова и Державина.

Характеръ его поэзіи, выразившейся преимущественно въ формѣ элегіи, составляетъ изящное наслажденіе жизнію и дѣйствительностію.

§ 22. *Крыловъ* (1768—1844) родился въ Москвѣ, былъ сынъ бѣднаго армейскаго офицера и въ дѣтствѣ еще лишившись отца, воспитанъ матерью въ Твери, служилъ по гражданской части, послѣдніе 32 года своей жизни при Императорской Публичной Библіотекѣ. Онъ писалъ сперва комедіи, изъ которыхъ лучшими считаются: *Модная лавка*, гдѣ преслѣдовалъ развратительныя интриги Французскихъ торговокъ модными нарядами, и *Урокъ дочкамъ*, насмѣшка надъ пристрастіемъ къ Французскому языку. Въ концѣ прошлаго столѣтія онъ издавалъ журналы: *Почта духовъ*, *Зритель*, *С.-Петербургскій Меркурій*. Въ нихъ онъ безпощадно осмѣивалъ неразумныя стороны особенно высшаго тогдашняго общества.

Съ 1806-го года Крыловъ посвятилъ себя исключительно сочиненію басенъ, которыхъ написалъ 197, въ томъ числѣ 30 переводныхъ и подражательныхъ. Чаще другихъ заучиваются наизустъ его: *Гуси*, *Обозъ*, *Слонъ и Моська*, *Оселъ и Соловей*, *Котъ и Поваръ*, *Тришкинъ кафтанъ*, *Демьянова уха*, *Квартетъ*, *Крестьянинъ и Работникъ* и др. Многія басни созданы имъ въ отвѣтъ на важнѣйшіе вопросы новаго времени; въ нѣкоторыхъ высказано глубоко-вѣрное мнѣніе объ извѣстнѣйшихъ современныхъ ему историческихъ лицахъ.

Вообще же въ басняхъ его нравится не одна живость и простодушіе разсказа, забавность дѣйствія, мѣткость сатиры или назн-

(*) Извѣстенъ также какъ писатель и сочинитель статей преимущественно въ дидактическомъ родѣ: *Эмиліевы письма*, *Обитатель предмѣстья*, *Опыты Исторіи* и др. Онъ писалъ большею частію для своихъ питомцевъ, Великихъ Князей [illegible]ксандра и Константина Павловичей при которыхъ на[illegible]ніи Наста[illegible]а Русской Словесности и Исторіи.

дательность нравоученія, которое онъ чаще всего предоставляетъ выводить самому читателю; но онъ прельщаютъ всѣмъ своимъ составомъ какъ истыя народныя произведенія. Самъ Крыловъ, по нраву и привычкамъ, былъ типомъ многихъ духовныхъ сторонъ Русскаго человѣка, и въ басняхъ его выразился совершенно Русскій взглядъ на жизнь, въ картинахъ и образахъ, которые весьма близки Русскому уму и воображенію. Сверхъ того, въ басняхъ его плѣняетъ неистощимая шутливость, умѣнье ввернуть красное словцо, умѣнье красно-рѣчиво молчать, и, наконецъ, чистый народный языкъ, соединенный съ художественною отдѣлкою и оконченностію выраженія (*).

§ 23. *Мерзляковъ* (1778—1830) родился въ Перми, и былъ сынъ монастырскаго служки. Стихотвореніе, написанное имъ на 14 году по случаю заключенія мира съ Швеціею, было представлено на воззрѣніе Императрицы Екатерины II, и Государыня велѣла воспитывать его въ Московскомъ Университетѣ и сообщать ей каждые полгода объ его успѣхахъ. По окончаніи курса въ Университетѣ, Мерзляковъ занялъ въ немъ мѣсто Профессора, славился необыкновеннымъ даромъ слова и основательными критиками, а также своими университетскими и публичными чтеніями о Словесности, на развитіе которой имѣлъ, въ свое время, замѣтное вліяніе. Къ сожалѣнію, онъ распространялъ или начала Французской классической школы, или шаткія эклектическія воззрѣнія, которыя, впрочемъ, нерѣдко уступали его тонкому природному вкусу и истинно поэтическому дарованію. Онъ перевелъ, между прочимъ, *Освобожденный Іерусалимъ* Тассо, *Эклоги* Виргилія, нѣсколько отрывковъ изъ Гомера и Греческихъ трагиковъ, преимущественно Эврипида. Но замѣчательнѣе его романсы и переложенія Русскихъ народныхъ пѣсенъ или подражанія имъ, въ

(*) Князь Вяземскій воспѣлъ Крылова на юбилеѣ слѣдующими стихами:
Мудрецъ игривый и глубокій,
Простосердечное дитя,
И дочкамъ онъ давалъ уроки,
И батюшекъ училъ шутя.
Искуствомъ ловкаго обмана
Гдѣ и кольнетъ изъ-подъ пера:
Тамъ *Петръ киваетъ на Ивана,*
Иванъ киваетъ на Петра.
Гдѣ нужно, онъ навесть умѣетъ
Свое волшебное стекло,
И въ зеркалѣ его яснѣетъ
Суровой истины чело.
Весь міръ въ рукахъ у чародѣя,
Всѣ твари дань ему несутъ:
По дудкѣ нашего Орфея
Всѣ звѣри пляшутъ и поютъ.
Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ,
И слава эта — наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ и т. д.

которыхъ онъ умѣлъ удержать, отчасти, первобытную простоту и глубину чувства, какъ, на примѣръ, въ пѣсняхъ: *Ахти горе великое*, *Среди долины ровныя* и др.

Гнѣдичъ (1784—1833) былъ родомъ изъ Малороссіи, воспитывался въ Московскомъ Университетѣ, служилъ при Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. Главный подвигъ его жизни и плодъ двадцатилѣтняго труда составляетъ переводъ Гомеровой Иліады*) гекзаметрами. Переводъ этотъ очень близокъ къ подлиннику, и знающему Греческій языкъ живо напоминаетъ, хотя и не замѣняетъ его. Пушкинъ отозвался о немъ превосходнымъ двустишіемъ:

Слышу божественный гласъ умолкнувшей эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Обильнымъ употребленіемъ Славянскихъ словъ Гнѣдичу удается иногда воспроизвесть величавые образы Гомеровскихъ боговъ и героевъ, но неподражаемой простоты, слитой съ торжественною важностію и сановитостію патріархальнаго быта нѣтъ и слѣдовъ въ искуственномъ языкѣ Гнѣдича. Самые гекзаметры его нерѣдко тяжелы и принуждены.

Къ другимъ замѣчательнымъ его стихотвореніямъ принадлежатъ: *Рожденіе Гомера*, поэма въ двухъ пѣсняхъ, идиллія *Рыбаки*, и, особенно удаченъ, переводъ ново-Греческихъ народныхъ пѣсенъ.

§ 24. Изъ драматическихъ писателей въ первомъ отдѣлѣ этого періода наиболѣе извѣстны: Озеровъ, Князь Шаховской и Хмѣльницкій.

Озеровъ (1770—1816) воспитывался въ Кадетскомъ корпусѣ, служилъ до чина Генералъ-Маіора въ военной службѣ и потомъ перешелъ въ гражданскую. Онъ написалъ пять трагедій въ стихахъ, и всѣ онѣ принадлежатъ, по характеру сочиненія, къ разряду тѣхъ произведеній, въ которыхъ литература наша является подражательною Французской ложной классической школѣ.

(*) Греческихъ классиковъ переводилъ у насъ прозой около того времени *Мартыновъ*, издавшій, съ объясненіями, переводы: Гомера, Геродота, Эзопа, Анакреона, Пиндара, Софокла, Каллимаха и Лонгина.

Въ это же время извѣстны были еще лирическіе писатели: *В. Пушкинъ*, дядя знаменитаго А. С. Пушкина, писавшій мелкія лирическія и дидактическія стихотворенія, для тогдашняго времени весьма легкія и пріятныя. *Воейковъ* замѣчателенъ какъ переводчикъ Делилевой дидактической поэмы *Сады*, Виргилія *Георгикъ* и *Эклогъ;* кромѣ того, очень забавною сатирою на современныхъ писателей *Домъ сумасшедшихъ*. *Давыдовъ* прославился своими воинскими пѣснями и посланіями, въ которыхъ воспѣваются удальство и пиры военной молодежи. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ его стихотвореній есть *Современная пѣсня*, сатира на приверженцевъ Западнаго либерализма. Значеніе его поэзіи весьма удачно очертилъ Языковъ стихами:

Не умретъ твой стихъ могучій,
Достопамятно живой,
Упоительный, кипучій,
И воинственно летучій,
И разгульно удалой.

Милоновъ былъ сочинитель элегій и сатиръ, *Александръ Измайловъ* пользовался извѣстностію преимущественно какъ баснописецъ, а *Нахимовъ*, заклятой врагъ Французскаго воспитанія и взяточничества, сильно преслѣдовалъ ихъ своими сатирами и эпиграммами.

Къ лучшимъ его трагедіямъ принадлежатъ: *Эдипъ въ Аѳинахъ*, подражаніе Французскому трагику Дюсису, который передѣлывалъ свои трагедіи изъ Софокловыхъ и Шекспировыхъ; *Фингалъ*, заимствованная изъ одной пѣсни Оссіана, и *Дмитрій Донской*, имѣвшая большой успѣхъ въ эпоху отечественной войны. Слабѣе другихъ *Ярополкъ и Олегъ*, также *Поликсена*.

Въ ряду драматурговъ, Озеровъ стоитъ выше всѣхъ своихъ предшественниковъ не только по плану трагедій, но по языку и совершенству стиха.

Преобладающій характеръ его произведеній составляетъ чувствительность, которою онъ нерѣдко исторгалъ невольныя слезы изъ глазъ зрителей. Хотя большинству Русской театральной публики были чужды многознаменательныя преданія древней Греціи, ея бытъ и вѣрованія, но поэтъ умѣлъ увлекать вниманіе зрителей и трогать сердца ихъ сильнымъ изображеніемъ (*) дѣтской и родительской любви и другихъ общечеловѣческихъ чувствъ.

Кн. Шаховской (1777—1846) былъ драматическій писатель, извѣстный не столько великимъ дарованіемъ, сколько страстною любовью къ сценическому искусству, образованіемъ отличныхъ актеровъ и необыкновенною плодовитостію своего пера. Онъ написалъ всего около 80 піесъ. Лучшими считаются его легкія комедіи и водевили: *Липецкія воды, Своя семья, Аристофанъ, Пустодомы* и др. Кромѣ того онъ написалъ еще комическую поэму *Расхищенныя шубы*, въ которой, не смотря на тяжеловатый слогъ, довольно много истиннаго юмора. Произведенія его имѣли бы болѣе прочнаго художественнаго достоинства, еслибы составлялись не такъ поспѣшно и не были приноравливаемы къ способностямъ современныхъ сочинителю актеровъ.

Хмѣльницкій (1789—1846) извѣстенъ переводами комедій (*Школа женщинъ, Тартюфъ*), передѣлками (*Говорунъ, Воздушные замки*) и сочиненіемъ общежитейскихъ, высокосвѣтскихъ комедій (*Нерѣшительный, свѣтскій случай*), писанныхъ языкомъ легкимъ, правильнымъ и обработаннымъ, что и составляетъ главное ихъ достоинство, потому что въ нихъ нѣтъ ни творчества, ни народности.

(*) Объ Озеровѣ выразился Державинъ:

О ты, что собою представилъ
Софокла съ Оссіяномъ вдругъ,
Въ Эдипѣ намъ, въ бардахъ прославилъ
Расиновъ, Кребильоновъ духъ,
Дѣвъ слезъ ремесло.
Коль жалость и ужасъ вдыхаешь
И жжешь ты хладныя сердца,
Съ глазъ токи, съ душъ вздохи сзываешь.

а Капнистъ сказалъ:

Ты далъ почувствовать отраднымъ слезъ потокомъ,
Который изъ очей всѣхъ зрителей извлекъ,
Что къ сердцу близокъ намъ несчастный человѣкъ.

Ефимьевъ написалъ драму *Преступникъ отъ игры или братомъ проданная сестра*; *Ильинъ* извѣстенъ драмою *Великодушіе или рекрутскій наборъ*, а *Крюковскій* трагедіею *Пожарскій*.

Въ романѣ и повѣсти обнаруживалось въ времена Карамзина, съ одной стороны, вліяніе сообщеннаго имъ направленія, замѣтна была сентиментальность, а съ другой проявлялась наклонность къ сатирѣ. Основателемъ повѣсти былъ у насъ Карамзинъ, первымъ-же сочинителемъ романовъ является Херасковъ, но вообще сочиненія въ повѣствовательномъ родѣ стали у насъ распространяться и развиваться только въ эпоху Карамзина. *Бенитцкій* славился своими оригинальными разсказами, *Подшиваловъ* считался лучшимъ въ свое время переводчикомъ и былъ извѣстенъ своею автобіографіею *Къ дѣтямъ моимъ*, а *Нарѣжный* пользовался славою лучшаго романиста. По манерѣ его разсказа (*Бурсакъ*, *Два Ивана или страсть къ тяжбамъ*), которая въ послѣдствіи нѣсколько отразилась въ произведеніяхъ Гоголя, его можно назвать у насъ Несторомъ реальнаго направленія, составляющаго характеръ нашей новѣйшей литературы.

Отдѣлъ 2.

§ 25. Важнѣйшія измѣненія въ направленіи Словесности на Западѣ, совершавшіяся тамъ въ слѣдствіе внутреннихъ условій развитія общественной жизни, повторились въ нашей въ слѣдствіе подражанія и пристрастія того или другаго двигателя нашей Словесности къ тому или другому западному образцу. Такъ Ломоносовъ и Сумароковъ, по случайнымъ условіямъ своего воспитанія, дали нашей литературѣ направленіе, первый — латино-нѣмецкое, второй — французско-классическое; Карамзинъ, по избытку своей природной чувствительности, избралъ и ввелъ у насъ направленіе сентиментальное. Такъ и романтическая школа, возникшая въ западной Европѣ въ слѣдствіе ближайшаго ознакомленія съ народною средневѣковою поэзіею и съ истинно классическою поэзіею древнихъ, въ противодѣйствіе ложному классицизму Французовъ, открыта у насъ Жуковскимъ по сочувствію его къ поэзіи грустной, мечтательной и, преимущественно, къ Шиллеру. Отъ того у насъ романтизмъ, какъ явленіе случайное, не истекшее изъ жизни народа и потому временное, преходящее, хотя безспорно произвелъ благодѣтельное вліяніе на образованіе вкуса публики, на многостороннее развитіе Словесности и языка, но полнымъ представителемъ своимъ имѣлъ единственно Жуковскаго. Князь Вяземскій является критикомъ и историкомъ романтизма; въ другихъ же писателяхъ этой эпохи мы видимъ переходъ къ направленію народному, какъ то въ драматическомъ писателѣ Грибоѣдовѣ и писателяхъ романовъ Загоскинѣ, Лажечниковѣ, Полевомъ и проч.

§ 26. *Жуковскій* (1783 - 1852) получилъ образованіе въ Университетскомъ Благородномъ Пенсіонѣ въ Москвѣ, служилъ короткое время въ Московскомъ ополченіи 1812 года, а въ 1817 году поступилъ ко Двору, сперва преподавателемъ Русской Словесности при Великой Княгинѣ, нынѣ вдовствующей Императрицѣ Александрѣ Θеодо-

ровнѣ, потомъ занималъ должность Наставника при Наслѣдникѣ Престола нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ.

Литературное свое поприще началъ Жуковскій съ 1801 года въ тогдашнихъ журналахъ и, нѣкоторое время, самъ издавалъ *Вѣстникъ Европы.* Сперва писалъ онъ стихотворенія въ торжественномъ тонѣ, хотя умѣлъ бо́льшею частію избѣгнуть господствовавшей тогда напыщенности. Сюда относятся: Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ побѣдителей, На смерть Графа Каменскаго, Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ, Пѣвецъ въ Кремлѣ и др. Въ прозаическихъ повѣстяхъ и мелкихъ его стихотвореніяхъ того времени, романсахъ, пѣсняхъ, посланіяхъ замѣтно большое вліяніе введенной Карамзинымъ насильной чувствительности или сентиментальности. Въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ, именно въ балладахъ: *Свѣтлана*, *Людмила*, *Громобой*, *Вадимъ* Жуковскій стремился къ народности, хотя уже и въ нихъ начиналъ преобладать духъ Германской романтической поэзіи, которою онъ наконецъ совершенно увлекся и своими прекрасными переводами познакомилъ съ нею Русскую публику.

Къ переводамъ его принадлежатъ: изъ *Шиллера* баллады: Перчатка, Кубокъ, Рыцарь Тогенбургъ, Жалоба Цереры, Элевзинскій праздникъ, Счастіе, Торжество побѣдителя, Поликратовъ перстень, Ивиковы журавли и др.; пѣсни: Тоска по миломъ, Жалоба, Голосъ съ того свѣта, Желаніе, Мечты и пр. драма: Орлеанская дѣва; изъ *Гете:* Путешественникъ и поселянка, Орелъ и голубка, Лѣсной царь, Моя богиня; изъ *Уланда:* Побѣдитель, Три путника, Мщеніе, Плаваніе Карла Великаго, Три пѣсни, Роландъ оруженосецъ и. т. д.; изъ *Бюргера:* Людмила, передѣланная изъ «Леноры» и въ послѣдствіи вновь переведенная уже подъ этимъ послѣднимъ названіемъ; изъ *Байрона*: Шильонскій узникъ; изъ *Вальтеръ Скотта:* Замокъ Смальгольмъ; изъ *Гебеля:* Овсяный кисель, Красный карбункулъ, Воскресное утро въ деревнѣ и пр.; изъ *Грея:* элегія Сельское кладбище, переведенная два раза, въ 1802 году александрійскими стихами, а въ 1839 гекзаметромъ; изъ *Рюкерта:* Наль и Дамаянти, Рустемъ и Зорабъ,; изъ *Ламотъ Фуке:* Ундина.

Оригинальныя произведенія его составляютъ *баллады:* Людмила, Свѣтлана, Эолова арфа, Ахиллъ, Узникъ, Двѣнадцать спящихъ дѣвъ (изъ романа Шписа), Вадимъ, написанныя въ подражаніе Нѣмецкимъ; *элегіи:* Теонъ и Эсхинъ, Славянка, Вечеръ, Привидѣніе и пр. *романсы и пѣсни:* Пловецъ, Мотылекъ и цвѣты, Пѣвецъ, Народный гимнъ, Бородинская годовщина; *посланія:* Тургеневу, Батюшкову, Нинѣ, Филалету и др.

Вообще Жуковскій переводилъ только тѣхъ поэтовъ и преимущественно тѣ произведенія ихъ, которыя соотвѣтствовали его собственному меланхолическому и мечтательному настроенію души, отвлекавшейся отъ всего видимаго, плотскаго и любившей уноситься въ таинственный, загадочный міръ безплотныхъ духовъ и видѣній. Отсюда объясняется то рѣдкое въ литературномъ мірѣ явленіе, что Жу-

ковскій, какъ бы отказываясь отъ своей личности, вполнѣ сливался духомъ съ переводимымъ авторомъ, и переводъ его въ такомъ случаѣ производитъ въ насъ именно то-же ощущеніе, какое оригиналъ въ туземцахъ. Жуковскому удалось то, что едва ли кому другому удавалось, то есть, оставаясь почти слово въ слово вѣрнымъ подлиннику, сохранить чистоту переводнаго языка, и въ этомъ отношеніи онъ выше всякаго сравненія съ другими переводчиками.

Опыты Жуковскаго въ передачѣ стихами народныхъ Русскихъ сказокъ, на примѣръ: О царѣ Берендеѣ, О спящей царевнѣ, Объ Иванѣ царевичѣ и пр. не льзя назвать удачными, потому что промелькивающая въ нихъ романтическая мечтательность и Нѣмецкая отвлеченность совершенно чужды духу Русскихъ народныхъ сказокъ.

Послѣдній важный трудъ Жуковскаго представляетъ переводъ Одиссеи съ подстрочнаго Нѣмецкаго перевода. Жуковскій, безъ сомнѣнія, далеко превзошелъ своихъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ; тонкимъ поэтическимъ чутьемъ онъ угадалъ многія отличительныя красоты Гомерова эпоса и передалъ ихъ гекзаметромъ вполнѣ изящнымъ. Но и Жуковскій отчасти не избѣгъ недостатка перевода Гнѣдича, именно искуственности выраженій, даже иногда отступалъ намѣренно отъ подлинника, внося въ переводъ красоты новѣйшей поэзіи, столь несвойственныя духу древности. Въ этомъ отношеніи и переводъ Гнѣдича гораздо ближе къ подлиннику. Эпитеты Гомеровскіе переданы хотя удачнѣе, нежели у Гнѣдича, но все же не вполнѣ удовлетворительны, потому что или неясны, или слишкомъ изъисканны. Обиліе частицъ, отличительное свойство народной поэзіи, придающее языку что-то дѣтски-простодушное, а вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенную ясность и точность, въ переводѣ оставлено безъ вниманія.

Языкъ всѣхъ вообще стихотвореній Жуковскаго изобилуетъ образцами высшаго благозвучія; онъ ввелъ въ употребленіе множество новыхъ размѣровъ и воскресилъ убитый Тредьяковскимъ гекзаметръ. Пушкинъ, ученикъ Жуковскаго въ наукѣ стихотворства, всего лучше изобразилъ достоинство и духъ его произведеній слѣдующимъ пятистишіемъ:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И внемля имъ вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

§ 27. *Грибоѣдовъ* (1795—1829) воспитывался въ Московскомъ Университетѣ, былъ Полномочнымъ Министромъ при Дворѣ Персидскомъ и погибъ въ Тегеранѣ во время бунта тамошней черни, въ 1829 году.

Литературная извѣстность его главнымъ образомъ основана на его произведеніи *Горе отъ ума*, которая служитъ образцемъ чисто Русской комедіи. Писатель съ благороднымъ негодованіемъ нападаетъ въ ней на ложное, исключительно внѣшнее образованіе и пре-

вратные взгляды нѣкоторыхъ круговъ современнаго ему высшаго общества. Не представляя собою художественнаго цѣлаго, эта образцовая комедія отличается художественнымъ изображеніемъ отдѣльныхъ характеровъ, представляетъ рядъ превосходныхъ сатиръ, изложенныхъ то въ формѣ монологовъ, то въ видѣ разговоровъ. Ею восхищались въ Россіи всѣ, прежде нежели она была еще напечатана и поставлена на сцену; многіе стихи изъ ней, по мѣткости выраженія и вѣрности мысли, обратились въ пословицы. Характеръ главнаго лица — Чацкаго, отчасти безличенъ, потому что онъ служитъ какъ бы сосудомъ, изъ котораго авторъ изливаетъ на общество свое негодованіе; но всѣ прочіе типы взяты прямо изъ дѣйствительности, полны жизни и правды. Вся комедія дышитъ возвышеннымъ патріотизмомъ и написана столь легкими и прекрасными стихами, вмѣстѣ столь свободнымъ и развязнымъ языкомъ, что доселѣ приводитъ въ отчаяніе всѣхъ подражателей.

Князь Вяземскій старѣйшій изъ живущихъ нынѣ поэтовъ, въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, по большей части сатирическаго направленія, отличается благороднымъ остроуміемъ, своеобразною игривостію мысли, нерѣдко горячимъ чувствомъ и весьма удачнымъ выраженіемъ отличительной черты Русскаго характера — удальства. Имъ написано также много стихотвореній въ элегическомъ родѣ, между прочими: Плачъ и утѣшеніе (см. Хрест. ч. II. стр. 12), На церковное строеніе (см. Хрест. ч. II. стр. 11). Главнѣйшую же заслугу Словесности оказалъ онъ своими критическими трудами. Онъ былъ долгое время неутомимымъ сотрудникомъ многихъ журналовъ, словомъ и дѣломъ внушалъ обществу истинное понятіе о важности литературы, какъ представительницы успѣховъ общежитія, о высокомъ званіи писателя. Онъ написалъ единственныя въ своемъ родѣ біографіи знаменитѣйшихъ Русскихъ писателей, составилъ вѣрную оцѣнку ихъ твореній и тѣмъ много содѣйствовалъ къ установленію у насъ литературнаго мнѣнія и распространенія просвѣщеннаго вкуса.

§ 28. *Писатели романовъ и повѣстей.* Романъ и повѣсть, въ предшествовавшемъ отдѣлѣ едва начинавшіе входить въ употребленіе (см. § 24), сдѣлались въ настоящемъ отдѣлѣ любимымъ родомъ Словесности. Въ западной Европѣ уже задолго предъ тѣмъ славились романы знаменитыхъ писателей: Сервантеса (въ Испаніи), Ричардсона, Фильдинга и Валтеръ Скотта (въ Англіи), Руссо (во Франціи), Гете и др. Въ нихъ отражается государственный и семейный бытъ тѣхъ народовъ, въ разныя эпохи исторической ихъ жизни. Опираясь на всестороннее изученіе частнаго быта, романистъ угадываетъ и обнажаетъ предъ читателями внутреннюю сторону тѣхъ событій, которыя въ Исторіи представляются лишь своею блестящею, лицевою стороною, и такимъ образомъ пополняетъ историка. У насъ образцы такихъ художественныхъ романовъ въ большемъ количествѣ являются уже въ послѣднемъ отдѣлѣ этого періода,

это Пушкина: «Капитанская дочка,» «Дубровскій,» Гоголя: «Тарасъ Бульба» и нѣкоторыя повѣсти Павлова, Даля, Вельтмана и другихъ новѣйшихъ писателей съ талантами второстепенными, которые, добросовѣстно изучивши созданія первыхъ, изображаютъ по слѣдамъ ихъ разныя сословія и разныя эпохи народной жизни, которая конечно не всегда бываетъ ими истинно понимаема, ни художественно воспроизводима.

Послѣ Нарѣжнаго (см. § 24.) большею извѣстностію пользовались у насъ въ свое время повѣсти и романы *Ѳ. В. Булгарина*, который издавна дѣйствовалъ также на журнальномъ поприщѣ; издавалъ прежде «Сѣверный Архивъ,» потомъ, вмѣстѣ съ Г. *Гречемъ*, «Сѣверную Пчелу». *Марлинскій* въ критическихъ статьяхъ своихъ, въ концѣ первой четверти нынѣшняго столѣтія, дѣйствовалъ съ немалымъ успѣхомъ противъ псевдоклассическаго Французскаго направленія. Его повѣсти историческія («Романъ и Ольга», «Наѣзды» и др.) слабѣе прочихъ, такъ какъ въ нихъ не угаданъ духъ изображаемой эпохи; выше цѣнятся его повѣсти, заимствованныя изъ высокосвѣтской жизни («Фрегатъ Надежда,» «Испытаніе,» «Лейтенантъ Бѣлозоръ») и изъ Кавказскаго быта («Мулла Нуръ», «Аммалатъ Бекъ»). По блестящему изложенію, занимательному ходу дѣйствія и обильному остроумію онѣ отчасти и донынѣ составляютъ любимое чтеніе многихъ. Справедливо, однако, упрекаютъ этого писателя въ страсти къ насильственнымъ эффектамъ, въ неумѣренномъ украшеніи природы, излишнемъ преувеличеніи страстей и внутреннемъ однообразіи представляемыхъ характеровъ. Языкъ его сочиненій цвѣтистый и нерѣдко изысканный.

Загоскинъ, писавшій прежде въ драматическомъ родѣ (комедіи: Недовольные, Добрый малый и проч.), болѣе извѣстенъ своими романами и особенно прославился первымъ изъ нихъ: «*Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 году*. Ни одного романа, ни прежде ни послѣ того, не читали и не читаютъ у насъ такъ много, какъ этотъ, имѣвшій уже болѣе семи изданій. Въ немъ вполнѣ высказалось дарованіе автора съ его прекрасными личными качествами: веселостію, добродушіемъ и горячею любовію къ отечеству. Неотъемлемый даръ автора: искусство разсказа, особенное умѣнье кстати вводить въ дѣйствіе разговоръ и занимательно вести его, наконецъ, удачное изображеніе извѣстнаго рода характеровъ (слугъ и т. п.); слабая его сторона: безличность, слабохарактерность главныхъ героевъ и особенно героинь, блѣдное изображеніе духа эпохи, отсутствіе единства мысли, которая лежала-бы въ основѣ завязки. Прочіе его романы справедливо называютъ подражаніями его же первому роману: *Рославлевъ*, *Аскольдова могила*, *Искуситель*, *Тоска по родинѣ*, *Мирошевъ* (лучшій романъ послѣ Юрія Милославскаго), *Брынскій лѣсъ* и *Русскіе въ началѣ 18 столѣтія*. Изъ повѣстей лучшая — *Кузьма Рощинъ*.

Лажечниковъ въ трехъ своихъ романахъ: *Послѣдній Новикъ или Завоеваніе Лифляндіи*, *Ледяной домъ* (изъ временъ Анны Іоан-

новпы) и *Басурманъ* (изъ времен Іоанна III-го), отличается достоинствами, противоположными недостаткамъ романовъ Загоскина, то есть тщательнымъ изученіемъ духа эпохи и умѣньемъ представлять его ощутительно для читателя; характеры дѣйствующихъ лицъ не описаны имъ только, но изображены въ самомъ дѣйствіи, и выдержаны всегда превосходно. За то въ романахъ этого писателя есть свои недостатки, прямо противоположные достоинствамъ романовъ Загоскина, именно: дѣйствіе, особенно въ началѣ, тянется съ несносною медленностію, обременено множествомъ не всегда оживленныхъ описаній и часто не нужныхъ эпизодовъ; разговорная рѣчь иногда не имѣетъ естественной простоты и отзывается принужденностію, украшенностію.

Николай Полевой (1796—1846), сынъ Курскаго купца, среди занятій по своему званію, страстно предавался изученію наукъ и языковъ, одинъ, безъ учителей, по жалкимъ руководствамъ, и 24-хъ лѣтъ отъ роду, уже началъ издавать въ Москвѣ журналъ «Телеграфъ», имѣвшій необыкновенное, по тому времени, число читателей. Недостатки критическихъ статей, которыя Полевой помѣщалъ въ этомъ журналѣ, тѣ-же, что и въ его „*Исторіи Русскаго народа*", именно вездѣ видно поверхностное знакомство съ предметомъ, въ слѣдствіе отсутствія въ Авторѣ систематическаго образованія, стремленіе отличиться новизнами и отсюда незрѣлость выводовъ. Достоинство его Русской Исторіи, въ свое время, опредѣлили довольно вѣрно, сказавъ, что онъ началъ заниматься ею въ то время, когда уже началъ писать её. Подобное тому можно сказать и объ романахъ Полеваго: *Аббадонна*, *Клятва при гробѣ Господнемъ*, *Византійскія легенды*, хотя, мѣстами, они отличаются горячимъ, задушевнымъ чувствомъ и доказываютъ знакомство Автора съ пріемами геніальныхъ писателей въ этомъ родѣ; но тѣмъ почти и ограничиваются ихъ достоинство; художественнаго значенія они не имѣютъ. Полевой представилъ также опыты въ драматическомъ родѣ, каковы: *Параша Сибирячка*. *Дѣдушка Русскаго флота*, *Купецъ Иголкинъ*: лучшее въ нихъ — искренность патріотическаго чувства.

Отдѣлъ 3.

§ 29. Какъ въ предъидущихъ двухъ отдѣлахъ этого періода совершался постепенно переходъ отъ прежняго безусловнаго подражанія иностраннымъ образцамъ къ народному самосознанію, такъ въ настоящее время началось *самостоятельное развитіе народнаго ума и чувства въ наукахъ и изящной Словесности*. Этому стремленію споспѣшествуетъ Правительство, указывая частнымъ усиліямъ путь къ разработкѣ народности, по тремъ главнымъ направленіямъ, каковы: право, исторія и языкъ. Изученію отечественнаго права положено прочное основаніе изданіемъ *Полнаго собранія Законовъ Россійской Имперіи* въ 1830 г. За тѣмъ послѣдовалъ: *Сводъ Законовъ Рос-*

сійской Имперіи, 15 томовъ, въ 8 частяхъ. Первое изданіе въ 1833 г., второе въ 1842 году. Въ 1846 году вышло *Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ*. Эти важныя изданія — вѣчно славный памятникъ царствованія Императора *Николая I-го*, совершены были подъ главнымъ вѣдѣніемъ знаменитыхъ ученыхъ сановниковъ Графовъ Сперанскаго и Блудова. Около того же времени изданы: *Сводъ военныхъ узаконеній* и *Сводъ мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ*. Успѣхамъ отечественной Исторіи весьма много содѣйствуетъ Археографическая Коммиссія, издавшая, со времени своего учрежденія (1834), огромное число лѣтописей и актовъ историческаго и юридическаго содержанія. Явились важные труды по этому предмету: *Устрялова* (1), *Н. Полеваго* (2), *Арцыбашева* (3), *Бутурлина* (4). *Михайловскаго-Данилевскаго* (5), *Вейдемейера* (6), *Погодина* (7); *Соловьева* (8).

Надъ ученой обработкой Русскаго языка трудились преимущественно члены 2-го отдѣленія Академіи Наукъ, издавшей *Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка* въ 4 томахъ (1847), послѣ того *Словарь областныхъ нарѣчій*, какъ дополненіе предъидущаго, и общесравнительную *Грамматику Русскаго языка*.

Разностороннимъ изученіемъ отечества ревностно занимается *Русское географическое общество* (основанное 1846), обогащающее науку множествомъ важныхъ свѣдѣній, въ своихъ повременныхъ изданіяхъ. Весьма значительную пользу и въ этомъ отношеніи приносятъ *журналы*, выходящіе при разныхъ Министерствахъ, имѣющіе, впрочемъ, свое особенное назначеніе, равно какъ и губернскія вѣдомости, печатаемыя почти во всѣхъ губернскихъ городахъ. Главное же мѣсто, въ этомъ отношеніи, занимаютъ литературные журналы, присвоившіе себѣ, въ послѣднее 25-лѣтіе, столь важное значеніе, что могутъ быть считаемы представителями нашей Словесности, такъ какъ въ нихъ помѣщаются почти всѣ замѣчательнѣйшія произведенія не только изящной, но и ученой литературы; таковы журналы: *Отечественныя записки*, *Современникъ*, *Библіотека для чтенія* и многіе другіе, издаваемые въ Петербургѣ, *Русскій Вѣстникъ*, *Русская Бесѣда* въ Москвѣ.

Отличительною чертою настоящаго отдѣла можно принять очевидное преобладаніе дѣятельности ученой надъ произведеніями собственно изящной Словесности, что доказываетъ возмужалость общества, предпочитающаго строгую истину самымъ плѣнительнымъ

(1) Два курса полной Русской Исторіи, для Гимназій и Университетовъ.

(2) Исторія Русскаго народа, въ 6 томахъ, до Іоанна Грознаго. Русская Исторія для дѣтей въ 4 частяхъ. Исторія Петра В., въ 4 книгахъ.

(3) Повѣствованіе о Россіи, въ 6 томахъ.

(4) Исторія смутнаго времени въ Россіи въ началѣ 17. столѣтія.

(5) Исторія войнъ съ Французами, и также Шведской и Турецкой при Императорѣ Александрѣ 1-мъ.

(6) Исторія Русскихъ Государей прошлаго столѣтія, отъ смерти Петра В.

(7) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи. 5 томовъ.

(8) Исторія Россіи.

поэтическимъ вымысламъ. Пушкинъ внесъ въ литературу стихію художественности, представивъ образцы прекраснаго въ своихъ классическихъ произведеніяхъ; Крыловъ, по времени своей дѣятельности принадлежащій также и къ двумъ предъидущимъ отдѣламъ этого періода, положилъ начало воздѣлыванію народности. Въ слѣдъ за ними Гоголь сталъ изображать ее преимущественно съ отрицательной ея стороны и открылъ собою рядъ новѣйшихъ писателей, которые, въ романахъ и повѣстяхъ, разработываютъ, такъ сказать, аналитически, разныя стороны Русскаго быта вообще.

§ 30. *Пушкинъ* Александръ Сергѣевичъ (1799—1837) по отцу потомокъ древняго Русскаго боярскаго рода, съ матерней стороны правнукъ Адмирала Абрама Петровича Ганнибала, изъ Негровъ, крестника Петра Великаго. Съ первыхъ лѣтъ младенчества знакомила его съ народностію, въ сказкахъ и пѣсняхъ, прославленная имъ въ послѣдствіи его няня Арина Родоновна; но вскорѣ эти впечатлѣнія были почти совсѣмъ изглажены его воспитателями — Французскими эмигрантами. Уже съ 9го года пристрастился онъ къ чтенію Французскихъ классиковъ, и тогда же написалъ на Французскомъ языкѣ одну драму и одну шуточную поэму. 12ти лѣтъ поступилъ Пушкинъ въ Царскосельскій Лицей, гдѣ удивлялъ наставниковъ своей необыкновенной памятью, учился однако не ревностно, любилъ сочинять стихи, особенно эпиграммы, которыя помѣщалъ въ Лицейскихъ рукописныхъ журналахъ («Лицейскій Мудрецъ», «Неопытное Перо« и проч.).

Лицейскія стихотворенія. Изъ числа 120 своихъ лицейскихъ лирическихъ стихотвореній, Поэтъ самъ выбралъ послѣ (1826) и напечаталъ только 23; почти во всѣхъ воспѣваются радости жизни и наслажденія юности — предметъ такъ называемой Анакреонтической поэзіи; по содержанію, въ нихъ очевидно подражаніе Батюшкову; по языку ему же и Жуковскому. Въ 1817мъ году Пушкинъ окончилъ курсъ въ Лицеѣ съ чиномъ 10го класса и записанъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Эпическія произведенія. Въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ своей самостоятельной жизни Пушкинъ написалъ много мелкихъ лирическихъ стихотвореній, встрѣченныхъ всеобщими похвалами, и въ 1820 году издалъ начатую еще въ Лицеѣ сказочную поэму 1) *Русланъ и Людмила*, по прочтеніи которой Жуковскій переслалъ автору свой портретъ съ надписью: «Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя.« Хотя содержаніе этой поэмы заимствовано изъ народныхъ сказокъ, но она написана не въ народномъ духѣ и даже съ нѣкоторою насмѣшливостію надъ сказочнымъ міромъ. Въ послѣдствіи времени Пушкинъ самъ находилъ свою поэму холодною по недостатку въ ней истиннаго чувства. Между тѣмъ, поэтъ нашъ, предававшійся всѣмъ увлеченіямъ юности, за крайнюю невоздержность въ своихъ рѣчахъ и заносчивость мнѣній и поступковъ былъ удаленъ изъ Петербурга и откомандированъ по службѣ къ Попечителю южныхъ Колонистовъ Генералу Инзову, въ Екатеринославль. Здѣсь заболѣлъ онъ лихорад-

кой, отпущенъ на Кавказскія воды, оттуда чрезъ Тамань и Крымъ возвратился къ Инзову, и съ нимъ вмѣстѣ переведенъ въ Кишиневъ, въ Бессарабію, а наконецъ въ Одессу къ Графу Воронцову, смѣнившему Инзова. Тамъ оставался поэтъ до 1824 года; тогда, вышедши въ отставку, переѣхалъ на житье въ родовую свою Псковскую деревню, Михайловское. Ко времени пребыванія Пушкина въ южной Россіи относятся, между прочимъ, его поэмы:

2) *Кавказскій Плѣнникъ*, 3) *Бахчисарайскій фонтанъ*. 4) *Цыганы*, 5) *Братья разбойники*.

Послѣднее сочиненіе есть только отрывокъ изъ большой поэмы, которую Авторъ сжегъ; другимъ отрывкомъ изъ тойже поэмы считаютъ стихотвореніе *Женихъ*. Первыя три поэмы, по мысли, отзываются вліяніемъ Байрона, котораго Пушкинъ называлъ въ то время «властителемъ своихъ думъ» «Къ морю»), отличаются преобладающимъ въ нихъ лирическимъ элементомъ и нѣсколько блѣднымъ изображеніемъ героевъ*). Но публика была въ восторгѣ отъ дивной гармоніи языка и неслыханной дотолѣ роскоши стиховъ и описаній. Вскорѣ послѣ того Пушкинъ, возвратившись въ Петербургъ снова, вступилъ въ службу по Иностранной Коллегіи, но обыкновенно уѣзжалъ въ свою деревню — Михайловское на всё время осени, когда онъ особенно любилъ работать. Здѣсь написалъ онъ 6) поэму «*Полтава*» (1828), принятую холоднѣе обыкновеннаго, хотя Пушкинъ уже является въ ней, какъ и въ слѣдующихъ своихъ твореніяхъ, поэтомъ народнымъ въ высшемъ смыслѣ этого слова. Въ поэмѣ превосходно изображены характеры и дѣйствіе глубокихъ страстей; но ей вредитъ двойственность плана: важность роковой борьбы двухъ народовъ и величавые лики Петра и Карла затмѣваютъ собою трагическую судьбу частныхъ лицъ.

Тогда же написаны: 7) *Графъ Нулинъ*, стихотворная шуточная повѣсть, и 8) *Евгеній Онѣгинъ*, романъ въ стихахъ, котораго первая глава вышла въ 1825-мъ году, а послѣдняя уже въ 1832-мъ году. Это какъ бы дневникъ автора, гдѣ изобразилъ онъ всё, имъ прожитое, свое воззрѣніе на современную жизнь, столичную и деревенскую, съ смѣлою откровенностію, навлекшею на него много норицаній и гоненій. Въ романѣ безпрестанныя отступленія, гдѣ блеститъ мѣткое остроуміе, и множество характеровъ обрисовано живо и вѣрно.

Драматическія произведенія: 1) трагедія *Борисъ Годуновъ* — оживлённая поэтическимъ вдохновеніемъ картина занимательнѣй

(*) О Кавказскомъ плѣнникѣ Пушкинъ самъ отзывается такъ: „Характеръ Плѣнника неудаченъ . . . я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами 19-го вѣка. Вообще я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее ниже Руслана, хотя стихи въ ней зрѣлѣе . . (въ другомъ мѣстѣ) простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ Черкесскихъ не связано съ происшествіемъ. Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе роману, нежели поэмѣ, да и что за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодаго человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю!“

шей эпохи Русской Исторіи, — роковаго столкновенія двухъ издавна враждебныхъ народностей Идея, вложенная поэтомъ въ свое твореніе — истинно народная и трагическая: неотвратимая никакою мудростію человѣческою кара Божія за пролитіе царственной крови, которая взыскана съ виновника и съ легкомысленнаго народа, предавшаго было забвенію святотатственное дѣло *).

Въ 1829-мъ году Пушкинъ ѣздилъ на Кавказъ и былъ свидѣтелемъ славныхъ подвиговъ нашего войска въ Азіятской Турціи («Путешествіе въ Азерумъ»). Въ 1830-мъ году, сосватавшись въ Москвѣ, передъ женитьбой, поѣхалъ онъ для устройства даннаго ему отцемъ Нижегородскаго имѣнія (Болдино) и надолго былъ удержанъ въ немъ карантинами, по случаю холеры. Тамъ написалъ онъ между прочимъ драматическія произведенія:

2) *Скупой рыцарь*, 3) *Моцартъ и Сальери*, 4) *Пиръ во время чумы* **) и 5) *Донъ Жуанъ* или *Каменный гость*. Гораздо позже написаны были: 6) *Сцены изъ рыцарскихъ временъ*, — по собственной надписи Пушкина — только планъ, хотя и въ драматической формѣ; 7) *Русалка* (не окончено), образцовое, поэтическое воспроизведеніе быта старинной Руси.

Въ 1831-мъ году Пушкинъ, женившись, возвратился въ Петербургъ. Тогда написалъ онъ свои двѣ знаменитыя оды: *Клеветникамъ Россіи* и *Бородинская годовщина*, дышащія высокимъ, благороднымъ патріотизмомъ.

Русскія сказки и пѣсни Западныхъ Славянъ.

Около тогоже времени, въ видѣ поэтическаго состязанія Пушкинъ и Жуковскій сговорились написать по одной народной сказкѣ. Жуковскаго двѣ сказки: *О спящей царевнѣ* и *Царѣ Берендеѣ* при всемъ своемъ поэтическомъ достоинствѣ, оказались чуждыми духу Русской народности. Пушкина сказка «*О Царѣ Салтанѣ*» хотя подверглась укоризнѣ со стороны критиковъ за вропическій колоритъ свой, за скопленіе сказочныхъ чудесъ — какъ бы на-смѣхъ; но это отнюдь не противорѣчитъ духу народныхъ сказокъ, въ которыхъ (какъ это видѣли мы въ отдѣлѣ объ устной народной поэзіи) нерѣдко можно замѣтить умыселъ разскащика потѣшиться на счетъ легковѣрія слушателей. Не ограничившись однимъ этимъ опытомъ, Пушкинъ написалъ еще сказки: 2) *О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ*, 3) *О золотомъ пѣтушкѣ*, въ которыхъ уже нѣтъ болѣе затаенной насмѣш-

(*) Пушкинъ говоритъ такъ объ этой своей трагедіи: „Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ.... По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохъ и лицъ историческихъ, не гоняясь за сценическими эффектами, романическими вспышками и проч."

(**) Переводъ 4-й сцены 1-го акта Уильсоновой драмы: The city of the Plague. Но здѣсь пѣсни Мери и Президента принадлежатъ самому Пушкину. Піэсу „Скупой рыцарь" Пушкинъ также назвалъ переводомъ изъ Англійскаго поэта Ченстона, но такого поэта въ Англіи никогда не бывало.

ливости, 4) *О рыбакѣ и рыбкѣ*, написана старинным размѣромъ народныхъ пѣсенъ, и наконецъ 5) *О купцѣ Остолопѣ* виршами (Knittelverse), какія употребительны въ новѣйшихъ народныхъ сказкахъ. Языкъ двухъ послѣднихъ сказокъ таковъ, что можно подумать, будто онѣ не самимъ Пушкинымъ сочинены, а только имъ записаны со словъ какого-нибудь крестьянина-сказочника.

Вѣрное пониманіе духа обще-Славянской народности Пушкинъ выразилъ въ своихъ *Пѣсняхъ западныхъ Славянъ*. Изъ числа ихъ 11 (всѣхъ 29) заимствовалъ онъ изъ книги Французскаго поэта Мериме́, который переложилъ въ легенды извѣстія аббата Форти, путешествовавшаго по Далмаціи, и выдалъ ихъ за народныя пѣсни Славянъ. Впрочемъ, Пушкинъ не вѣрилъ ихъ подлинности и значительно ихъ передѣлалъ.

Прозаическія сочиненія. Съ 1832-го года Пушкинъ началъ писать большею частію въ прозѣ. Изъ стихотвореній, написанныхъ имъ въ это время, замѣчательнѣйшее есть *Мѣдный всадникъ*. Это, какъ полагаютъ, есть вторая половина большой поэмы — неконченной; отъ первой остался одинъ отрывокъ, подъ названіемъ: *Родословная моего героя*. Въ слѣдствіе этой разрозненности, характеръ героя является только въ неясныхъ очеркахъ; но картина страшнаго Петербургскаго наводненія начертана кистію великаго художника. Послѣдніе годы своей жизни Пушкинъ посвятилъ приготовленіямъ къ сочиненію Исторіи Петра Великаго и большую часть времени проводилъ въ архивахъ. Воспользовавшись любопытными документами, которые представились ему при его историческихъ изысканіяхъ, онъ въ 1833 году написалъ *Исторію Пугачевскаго бунта*; въ награду пожалованъ былъ въ Каммеръ-Юнкеры и, для напечатанія книги, получилъ 20 тысячъ руб. асс., въ займы. Тогда же издалъ онъ свои превосходныя повѣсти: *Капитанская дочка* и *Дубровскій* (еще пять повѣстей издалъ онъ гораздо прежде, подъ псевдонимомъ Бѣлкина). Здѣсь поэтъ указалъ всѣмъ послѣдующимъ нашимъ нувеллистамъ условія изящнаго романа изъ Русской жизни и какимъ образомъ поэзія можетъ входить въ соприкосновеніе съ различными ея сферами. Эти блистательныя попытки заставляли ожидать отъ Пушкина историческихъ романовъ въ родѣ того, какой онъ самъ обѣщалъ: «Богъ дастъ, мы напишемъ историческій романъ, которымъ и чужіе полюбуются.»

Послѣдній годъ своей жизни Пушкинъ много работалъ для основаннаго имъ журнала *Современникъ* и подготовилъ уже до 5 томовъ матеріяловъ для Исторіи Петра Великаго. Правительство щедро ободряло труды его: въ 1835 году ссужено ему было 30 т. р. асс. безъ процентовъ, съ уплатою изъ жилованья. При смерти его весь долгъ его былъ ему прощенъ и выдано еще 50 т. р. на напечатаніе его сочиненій, за которыя выручка должна была составить капиталъ для его дѣтей. Кончина Пушкина прекрасно описана Жуковскимъ въ письмѣ къ отцу поэта.

Въ поэзіи Пушкина отозвались и классическое направленіе нашей Словесности, вліяніемъ на него (въ лицейскихъ стихотвореніяхъ) Итальянскихъ поэтовъ и Батюшкова, и романтизмъ — Байроновскимъ разочарованіемъ (въ первыхъ его поэмахъ); но въ лучшихъ и болѣе зрѣлыхъ своихъ твореніяхъ, каковы: Борисъ Годуновъ, Евгеній Онѣгинъ, Полтава, повѣсти и нѣкоторыя мелкія лирическія стихотворенія (особенно: Утопленникъ, Бѣсы, Женихъ, Гусаръ, Зимнее утро, Стансы, Осень, Дорожныя жалобы и проч.), Пушкинъ открываетъ новое художественно-народное направленіе Словесности. Отдѣльные элементы изящнаго, которые нравятся намъ по частямъ въ Ломоносовѣ, Державинѣ, Карамзинѣ и Крыловѣ, находимъ мы у него въ стройной, ясной, сознательной полнотѣ. Истинно Русскій взглядъ на жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, вѣрное (безъ прикрасъ) изображеніе природы Русскихъ странъ и Русскаго человѣка (*), особенно высшихъ сословій, безпристрастное воззрѣніе на историческія судьбы нашего отечества и надежды его въ будущемъ, — всё это читаемъ мы у Пушкина въ стихахъ, которые всегда будутъ приводить въ восторгъ Русскихъ читателей, въ прозаическихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ настоящія поколѣнія учатся благородной простотѣ языка и изяществу слога. Въ стихахъ Пушкинъ является великимъ художникомъ, въ прозѣ онъ освободилъ Русскій языкъ отъ излишнихъ прикрасъ, которыми, какъ необходимою роскошью, прежніе писатели убирали юную Русскую рѣчь; подъ перомъ Пушкина является она возмужалою: языкъ его сжатъ и ясенъ, простъ и силенъ. Пушкинъ на столько слилъ устный языкъ съ литературнымъ, что послѣдній, при всей своей изящной формѣ, сталъ понятенъ для всѣхъ классовъ народа.

§ 31. Изъ современныхъ Пушкину поэтовъ замѣчательны три его друга: Баратынскій, Дельвигъ и Языковъ, далеко уступавшіе ему въ силѣ дарованія, но имѣвшіе также свои неоспоримыя достоинства; всѣ трое писали наиболѣе въ лирическомъ направленіи.

Баратынскій († 1845) — пѣвецъ грустныхъ думъ, разочарованія искренняго и тяжкихъ сомнѣній. Печальное созерцаніе жизни брало перевѣсъ въ его твореніяхъ надъ пареніемъ фантазіи и одушевленіемъ чувства. Хотя, въ слѣдствіе этого однообразнаго настроенія духа, онъ не былъ въ свое время любимцемъ публики, но по самобытности, искренности выстраданныхъ чувствъ, а также не рѣдко по изящной отдѣлкѣ стиха, заслуживаетъ изученія. Извѣстнѣйшія его произведенія, лирическія поэмы: Эда, Пиры, Балъ, Цыганка и множество мелкихъ стихотвореній.

Дельвигъ (1793—1830) лицейскій товарищъ Пушкина. Сферою его были антологическія стихотворенія и подражанія народнымъ Рус-

(*) Впрочемъ, многостороннему поэтическому генію Пушкина были доступны народности разнороднѣйшихъ странъ и временъ: его *Сцены изъ Фауста* и *Божественной Комедіи* кажутся отрывками изъ этихъ великихъ произведеній, между тѣмъ какъ это его оригинальныя сочиненія. Въ *Каменномъ гостѣ* онъ переноситъ читателя какъ бы на яву въ Испанію; по вѣрности колорита удивительны также его *Подражанія восточнымъ стихотворцамъ*: Еврейскимъ и Корану.

скимъ пѣснямъ, плѣняющія читателя простодушнымъ и вмѣстѣ художественнымъ изображеніемъ кроткихъ, мирныхъ, иногда грустныхъ чувствъ. До сихъ поръ остается онъ любимцемъ лучшихъ Русскихъ композиторовъ: Варламова, Глинки, Алябьева и пр. Изъ пѣсенъ его многія сдѣлались вполнѣ народными, напр. Соловей, Кольцо душидѣвицы и пр. Его шесть идиллій, и изъ нихъ особенно Купальницы, Отставной солдатъ, суть лучшія въ нашей Словесности.

Языковъ († 1846) воспитывался въ Дерптскомъ Университетѣ и сперва писалъ разгульныя пѣсни молодости, въ которыхъ и доселѣ не знаетъ себѣ соперника. Въ послѣдствіи прославили его еще болѣе стихотворенія патріотическаго и религіознаго содержанія, напр. Эвпатій, Ливонія, переложенія псалмовъ. Не безъ основанія сравниваютъ его съ Державинымъ, съ которымъ онъ имѣетъ много общаго, какъ по увлеченію воображенія и чувства, по пылкой рѣчи, такъ съ другой стороны, по неровности стиха и невыдержанности вдохновенія (*).

§ 32. Рядъ новѣйшихъ поэтовъ, писавшихъ послѣ Пушкина, открываетъ Лермонтовъ; за нимъ слѣдуютъ Бенедиктовъ, Хомяковъ, Гр. Растопчина, Майковъ и др.

Лермонтовъ († 1841), умершій въ самомъ началѣ литературнаго поприща, оставилъ намъ почти только начатки своей поэзіи. Нѣкоторыя лирическія его стихотворенія проникнуты суровою грустью *(Печально я гляжу..)*, доходящею даже до мизантропіи; но стихотворенія, внушенныя поэту величественной природою Кавказа, гдѣ онъ служилъ въ послѣдніе годы своей жизни, были встрѣчены какъ блистательные опыты первокласснаго поэта; таковы лирическія поэмы: *Мцыри*, *Хаджи Абрекъ*, *Измаилъ Бей* и проч. Лермонтовъ коснулся также и народной поэзіи, написавъ въ духѣ ея три лучшія свои стихотворенія: *Казачья колыбельная пѣснь*, *Бородино* и *Пѣсня про Царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова*. Стихъ Лермонтова, хотя въ слѣдствіе его ранней смерти еще не вполнѣ выработался, нерѣдко лишенъ поэтическаго лаконизма и вообще не достигъ художественной зрѣлости стиха Пушкинскаго; но лишь сему послѣднему онъ и уступаетъ въ изяществѣ.

Въ прозѣ Лермонтовъ написалъ рядъ повѣстей, подъ названіемъ *Герой нашего времени*. Кромѣ прекраснаго слога и яркаго изображенія нѣкоторыхъ характеровъ и Кавказскаго быта, онѣ обращаютъ на себя вниманіе также странностію дѣйствующаго во всѣхъ

(*) Заслуживаютъ упоминанія стихотворцы тойже эпохи: *Козловъ* († 1842), поэтъ слѣпецъ — съ грустною элегическою лирою. Кромѣ нѣкоторыхъ прекрасныхъ переводовъ изъ Байрона, В. Скотта, Шенье и др., извѣстны его лирическія поэмы: Чернецъ, Наталья Долгорукая, Безумная; онѣ и донынѣ читаются съ удовольствіемъ. *Глинка*, Ѳеодоръ, славится удачными переложеніями изъ Свящ. Писанія и патріотическими стихотвореніями. *Подолинскій* въ своихъ лирическихъ поэмахъ: Дивъ и Пери, Владиміръ Борскій, отличается изящнымъ стихомъ, но бѣденъ содержаніемъ. *Веневитиновъ* (1805—1826) страстный поклонникъ науки; своими стихотворными опытами подавалъ много надеждъ, не исполнившихся въ слѣдствіе ранней его смерти. *Полежаевъ* въ звучныхъ стихахъ выражалъ иногда истинное поэтическое одушевленіе не всегда впрочемъ достойными предметами.

нихъ главнаго лица, Печорина, человѣка, надѣленнаго высокими духовными дарами, но не умѣющаго или не желающаго найдти для себя приличной дѣятельности. Типъ этотъ чуждъ дѣйствительной Русской жизни и не можетъ быть названъ героемъ, по крайней мѣрѣ, нашей страны, а потому не возбуждаетъ къ себѣ полнаго участія.

Бенедиктовъ писалъ короткое время въ лирическомъ родѣ, стихотворенія, поражавшія сначала своею эффектностію, а вмѣстѣ и изысканностію; великолѣпіе стиховъ его зависитъ часто лишь отъ неестественнаго напряженія фантазіи или даже только отъ риторическаго подбора словъ, при чемъ содержаніе можно назвать скуднымъ, сравнительно съ роскошью формы.

Хомяковъ, извѣстный многосторонней ученостію, въ молодости написалъ двѣ трагедіи: *Ермакъ и Дмитрій Самозванецъ*, гдѣ не рѣдко встрѣчается истинное вдохновеніе, но самые герои чрезвычайно идеализованы. Мелкія его стихотворенія отличаются жаркимъ патріотизмомъ, но стихъ его послѣ Пушкина и Лермонтова кажется иногда тяжеловатымъ.

Стихотворенія *Графини Растопчиной* отличаются поэтическимъ изліяніемъ летучихъ впечатлѣній свѣтской жизни, измѣнчивыхъ сердечныхъ чувствъ и мечтательныхъ, меланхолическихъ думъ; особенное участіе возбуждаютъ ея стихотворныя повѣсти.

Майковъ. Первые его опыты въ описательной поэзіи, по пластической красотѣ стиха и по глубокому сочувствію природѣ, возбудили весьма большія надежды. Позже явились его: *Три Судьбы*, *Очерки Рима*; послѣднее собраніе его стихотвореній подъ названіемъ: *1854-й годъ* дышатъ пламеннымъ патріотизмомъ.

Кольцовъ (1809—1842), пѣвецъ простонароднаго быта, котораго горе и радости зналъ онъ не по наблюденію только, а по собственному опыту. Онъ былъ Воронежскій мѣщанинъ и занимался прасольствомъ (торговлей скотомъ). Въ нѣкоторыхъ его пѣсняхъ встрѣчаемъ отличительныя красоты народныхъ пѣсенъ: искренность и силу чувства; кромѣ того какую то удалую размашистость мысли и выраженія.

Замѣчательнѣйшіе изъ современныхъ намъ лириковъ: Мей, Фетъ, Огаревъ, Полонскій, Щербина, Гербель, Миллеръ и др.

§ 33. Во главѣ прозаическихъ писателей этого отдѣла стоитъ Гоголь († 1852), родомъ Малороссъ, воспитанникъ Нѣжинскаго Лицея. Въ первый разъ явился онъ литературѣ съ сборникомъ учено-литературныхъ статей, изданныхъ подъ именемъ *Арабесокъ*. Онъ обратилъ на себя вниманіе самобытностію взгляда, глубиною мысли, чувства и поэтическимъ ихъ выраженіемъ. Вскорѣ за

тѣмъ онъ утвердилъ свою извѣстность двумя сборниками повѣстей: *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки* и *Миргородъ*. Здѣсь дѣйствія и характеры почерпнуты изъ Малороссійскаго быта и обличали въ Авторѣ удивительный даръ наблюдательности, юморъ веселый и простодушный, который не препятствовалъ ему возноситься къ созданію умилительныхъ сценъ добродушія («Старосвѣтскіе помѣщики») и могучихъ характеровъ («Тарасъ Бульба»). Но въ главнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, въ комедіи «Ревизоръ» и въ поэмѣ «Мертвыя души», Гоголь весь предался влеченію своего юмора, который уже не сопровождался прежнимъ добросердечнымъ смѣхомъ и беззаботною шутливостію, напротивъ — произвелъ тягостное впечатлѣніе на читателей затаеннымъ презрѣніемъ къ изображаемымъ лицамъ, которыя всѣ, сряду, или ничтожны или уродливы въ нравственномъ смыслѣ. Одна часть публики стала смотрѣть на Гоголя не болѣе какъ на талантливаго каррикатуриста, между тѣмъ какъ другая, несравненно большая была въ полномъ отъ него восторгѣ, и явился цѣлый рядъ юмористическихъ нравоописателей, составившихъ такъ называемую натуральную школу. Гоголь самъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ значеніе своихъ произведеній: «Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей. Оно въ послѣдствіи усугубилось во мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нимъ нѣкотораго душевнаго обстоятельства. Это свойство выступило съ большею силою въ «Мертвыхъ душахъ.» «Мертвыя души» не потому такъ испугали многихъ и произвели такой шумъ, чтобы онѣ раскрыли какія нибудь раны общества, или внутреннія болѣзни, и не потому также, чтобы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ни чуть не бывало. Герои мои вовсе не злодѣи: прибавь я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлѣе другаго, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть, или перевести духъ бѣдному читателю, и что по прочтеніи всей книги кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ . . . . . . Явленіе замѣчательное! Испугъ прекрасный! Въ комъ такое сильное отвращеніе отъ ничтожнаго, въ томъ, вѣрно, заключено всё то, что противоположно ничтожному.» Гоголь утѣшалъ читателей обѣщаніемъ въ послѣдующихъ томахъ «Мертвыхъ душъ» представить и другую, свѣтлую сторону Русскаго міра, героевъ добра и правды, идеалы чи-

стой красоты: «Инымъ ключемъ», говорилъ онъ, «грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей» Но, какъ справедливо замѣтилъ Профессоръ Шевыревъ (Москвитянинъ № I 1848), «если отъ высокаго до смѣшнаго только шагъ, то на оборотъ отъ смѣшнаго до высокаго нѣтъ пути, — между ними бездна. Когда вся пошлость дѣйствительной жизни поднята была хохотомъ въ міръ поэзіи, — тогда хохотъ одолѣлъ всё; — и когда поэтъ захотѣлъ обратить глаза въ другой міръ, на другую, высокую сторону жизни, — ему показалось страшно: онъ побоялся уже за своихъ исполиновъ, чтобы они не пали предъ Собакевичами и Ноздревыми (лица изъ «Мертвыхъ душъ») — и пеплъ 2-го тома «Мертвыхъ душъ» былъ первымъ ему же наказаніемъ.» Въ изданномъ уже по смерти Гоголя 2-мъ томѣ «Мертвыхъ душъ» попытка представить Русскаго героя добра въ лицѣ помѣщика Костанжогло почти единогласно признана неудавшеюся, потому что ретивый краснобай Костанжогло также мало напоминаетъ Русскаго человѣка, какъ самая его фамилія. Равно и идеальная дѣва, хотя только что появилась во 2-мъ томѣ, достаточно однако свидѣтельствуетъ о тщетныхъ усиліяхъ фантазіи Автора при созданіи этого женскаго типа.

Изданною послѣ перваго тома «Мертвыхъ душъ» книгою «Переписка съ друзьями» Гоголь, повидимому отрекавшійся отъ прежняго своего направленія, возстановилъ противъ себя значительную часть своихъ послѣдователей; но сочиненіе это, не смотря на свою нехудожественную форму, имѣетъ важное значеніе, такъ какъ въ немъ высказаны мысли Автора о тѣхъ началахъ Русской природы, на которыхъ мы должны созидать въ себѣ идеалъ высшаго человѣка.

Рѣчь Гоголя не отличается особенною легкостію и свободнымъ теченіемъ, ни безукоризненною правильностію, за то она неподражаемо изобразительна и своеобразна.

§ 34. Въ нѣкоторой степени приближаются къ Гоголю два однакоже самостоятельные писателя, *Вельтманъ* и *Даль*.

Вельтманъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ Русскихъ археологовъ, обладаетъ безспорнымъ, но весьма своенравнымъ талантомъ, при обширномъ и глубокомъ знакомствѣ съ Русской жизнію и стариною. Но въ романахъ своихъ онъ будто и не думаетъ о единствѣ дѣйствія, объ ясности развязки, оконченности характеровъ, короче: пренебрегаетъ всѣмъ тѣмъ, что интересуетъ читателя, такъ что можно подумать, будто онъ пишетъ для своего, а не для ихъ удовольствія. Никогда не даетъ онъ того, чего отъ него ожидаютъ, за то часто даритъ наслажденія неожиданныя, правда, неполныя и

отрывочныя. Не мало вредитъ художественности произведеній его также охота къ историческимъ (и филологическимъ) парадоксамъ, которые онъ любитъ вплетать въ основу своихъ романовъ. Онъ умѣетъ обновлять красоты стариннаго Русскаго языка и искусно сливать ихъ съ нынѣшней народной рѣчью. Извѣстнѣйшіе его сочиненія: *Святославичъ, вражій питомецъ*, *Странникъ*, *Кощей безсмертный*, *Рукопись Мартыни Задеки или 3448-й годъ*, *Генералъ Каломеросъ*, *Ратиборъ Холмоградскій* (драма), *Сердце и думка*, *Новый Емеля или превращенія*. Послѣдній его романъ: *Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго* распался уже на нѣсколько отдѣльныхъ романовъ, *Соломея*, *Чудодѣй*.

Даль, извѣстный болѣе подъ псевдонимомъ Казака Луганскаго, писалъ множество разсказовъ и мелкихъ повѣстей, большею частію въ духѣ простонародья, котораго образъ мыслей, обычаи и языкъ изучилъ онъ въ совершенствѣ. Народныя пословицы, поговорки, притчи и басни нашли въ немъ лучшаго собирателя и истолкователя. Пишутъ, что у него собрано сказокъ, списанныхъ со словъ народа, болѣе 4 тысячъ, пословицъ, не считая поговорокъ, болѣе 10 тысячъ. Языкъ Даля, по избытку въ немъ пословицъ и прибаутокъ, иногда запутанъ, а слогъ затѣйливъ и неровенъ. Лучше всего удавались Далю физіологическіе очерки, то есть возсозданіе народныхъ типовъ, каковы его: *Колбасники и бородачи*, *Деньщикъ*, *Дворникъ* и проч.

Кукольникъ началъ литературное свое поприще драмами въ стихахъ, таковы были: *Князь Скопинъ-Шуйскій*, *Рука Всевышняго отечество спасла* и множество другихъ, для которыхъ содержаніе почерпалъ онъ часто изъ Исторіи Итальянской Живописи. Въ послѣдствіи предался онъ исключительному писанію романовъ и повѣстей, изъ коихъ извѣстнѣйшіе: *Эвелина де Вальероль*, *Альфъ и Альдона*, *Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова* и нѣсколько собраній повѣстей подъ разными наименованіями; лучшими изъ нихъ считаются тѣ, содержаніе для которыхъ почерпнуто изъ эпохи Петра Великаго. Онъ вообще мастеръ въ обрисовкѣ характеровъ и эпохи дѣйствія, но всѣ его произведенія страдаютъ недостатками скороспѣшной работы.

Лучшими, любимѣйшими писателями по изображенію быта высшаго класса общества почитаются *Павловъ*, написавшій двѣ книги превосходныхъ повѣстей, и *Графъ Соллогубъ*, издававшій свои сочиненія подъ разными названіями, напр. *Вчера и сегодня*, *На сонъ грядущій*, *Тарантасъ*. Оба они отличаются уточенностію литературныхъ пріемовъ и образованнѣйшимъ вкусомъ.

Въ этомъ отношеніи къ нимъ можно присоединить *Князя Одоевскаго* въ его повѣстяхъ: *Княжна Зизи*, *Княжна Мими* и проч. Но особенно замѣчательны его повѣсти философскія, заимствованныя преимущественно изъ жизни художниковъ (*Себастіанъ Бахъ*, *Послѣдній квартетъ Бетховена* и др.), а еще болѣе фантастическія,

единственныя у насъ въ этомъ родѣ, по глубинѣ затаенныхъ въ нихъ мыслей (*Сильфида*, *Саламандра* и др. (*).

Въ новѣйшее время читаются съ особеннымъ удовольствіемъ сочиненія *Писемскаго*, *Гончарова*, *Тургенева*, *Григоровича*, *Графа Толстаго*, *Дружинина* и другихъ, которыхъ значеніе въ нашей Словесности еще не вполнѣ опредѣлилось. Некрасовъ-поэтъ [illegible]

(*) Въ свое время пользовались извѣстностію также слѣдующіе писатели: *Гребенка* и *Квитко*, удачно изображавшіе бытъ Малороссіи, *Сенковскій*, писавшій подъ именемъ *Барона Брамбеуса* весьма остроумныя повѣсти, *Калашниковъ*, *Перовскій* (*Монастырка*), *Масальскій* (*Стрѣльцы*, *Бородолюбіе*, *Регентство Бирона*), *Бѣгичевъ* (*Семейство Холмскихъ*, *Ольга*), *Ушаковъ* (*Киргисъ Кайсакъ*) и другіе.

Оглавленіе.

2007065002